

Читая книги Игоря Игнатенко

ТОК ВЫСОКОГО НАПРЯЖЕНИЯ

Игорь Еремин о творчестве Игоря Игнатенко

Оглядывая поэтическое хозяйство Приамурья, прежде всего останавливаешь взгляд свой на именах четырех поэтов, работа которых в поэзии за последние годы особенно плодотворна. Это доцент Благовещенского мединститута Олег Маслов, инженер с БАМа Геннадий Кузьмин, благовещенские журналисты Виктор Алюшин и Игорь Игнатенко.

О творчестве последнего и пойдет речь в сегодняшней передаче.

Поэтическая судьба Игоря Игнатенко лишней раз подтверждает общеизвестную истину о значении литературной среды в сложном процессе формирования поэта. Несколько лет назад в качестве спецкора областного радиокомитета Игнатенко оказался на БАМе, стал активным членом работающего там литературного объединения «Звено». Как бы подзадоренный интенсивной творческой жизнью, которой жили здесь почти все без исключения его собратья по перу, молодой поэт и сам начал писать больше, стал более требовательно относиться к своей работе. Постоянно показывал свои стихи товарищам, внимательно прислушивался к их замечаниям.

Многое дал Игорю и общетрассовый семинар, на котором его творчество подверглось детальному обсуждению. И, наконец, поездка в Москву, на 7-е Всесоюзное совещание молодых писателей, где стихи Игоря Игнатенко получили добрую поддержку одного из руководителей семинара, известного критика Александра Михайлова.

Все это как нельзя лучше способствовало возмужанию Музы молодого автора. Стихи его стали собранней, совершенней. Каждое слово в лучших из них теперь ложилось в строку прочно, как, скажем, ложится кирпич в кладку под рукой хорошего каменщика.

Жизнь и работа на БАМе способствовали не только повышению литературного мастерства молодого автора, но и расширению тематики его стихов, углублению их содержания. Из-под пера его появляются произведения о труде, о строителях магистрали.

Его герои — это шоферы, у которых:

Тяжелая работа,
Веселое житье —
Подъемы, повороты
Да злое комарье.
Да спуски, словно слалом,
Знай, тормоза держи!
Чего здесь не бывало
За шоферскую жизнь...

Это строители, проложившие туннель сквозь Становой хребет:

Даже летом здесь не сладко,
Осенью — подавно.
Но идет вперед укладка
Магистралей главной.
В недрах взрыв далек и плотен —
Слились два забоя!
Бам, плюсуй тринадцать сотен
Метров под горою.

Это десантники из бригады лауреата премии Ленинского комсомола Владимира Степанищева, которым «снег по колена, усталость по горло», но которым, несмотря ни на что, надо первыми пройти тяжелый шестидесятикилометровый маршрут.

Стихи, посвященные БАМу, несут в себе явные черты документальности. Но это не снижает их художественной значимости. Наоборот, усиливает ее.

И все-таки центральное место в творчестве Игоря Игнатенко по-прежнему занимает пейзажная лирика. Она хороша у него тем, что не только показывает разнообразные картины природы, а является отправной точкой для глубоких переживаний и размышлений. Показательно в этом отношении стихотворение «Время холодов»:

Пора спокойных дел и мудрых слов.
И снова мы надеемся на это,
Что вот настанет время холодов —
И все вопросы обретут ответы.

Явления окружающей природы в стихах живут не сами по себе, а как бы становятся составной частью духовной жизни лирического героя. Именно в таком ключе написаны и это, и многие другие произведения о природе. Например, о весне:

Страшна распутица природы,
Страшней — распутица души,
Ведь ощущение свободы
Сильнее именно в глуши.

В другом стихотворении автор прямо говорит о том, что именно природа является вдохновительницей его творчества:

Мне ветер римфы подарил —
Они созвучны с ивняками,
И новым ритмам научил
Прибой меж берегами.
Учусь у сопok высоте,
Смотрю открыто в непогоду.
За причащенье красоте
Благодарю природу.

Почитатели поэзии знают, что за последние годы любовная лирика стала почему-то по преимуществу привилегией поэтесс. Поэты-мужчины обращают на нее внимание лишь от случая к случаю. Счастливым исключением является, пожалуй, только творчество Расула Гамзатова и Василия Федорова.

Мало пишут о любви и поэты-амурчане. И только Игорь Игнатенко остается верен этой трудной, но благородной теме. Как и все другие стихи, его любовная лирика отличается гармоничным сочетанием мысли и чувства.

Поэт утверждает, что любовь — радость. И тогда, когда любящие рядом, когда «двух родственных чувств сближение рождает закон сложения», когда «то ль они родили песню, то ли песня — их». И тогда, когда они в разлуке. Ибо и в этом случае их согревают воспоминания друг о друге, краткие разговоры через эфир или письмо. Конечно, небо над любящими героями не всегда безоблачно. Переживают они и ненастье. Но серьезность чувств помогает им в конце концов преодолеть все трудности, все случайные недоразумения. Автор верит в счастье и заставляет поверить в него читателей,

Большинство стихов Игоря Игнатенко написаны крепким, добротным языком. Его лаконичность подкрепляется незаемной образностью. В одних стихах образ проходит, как золотая нитка, через всю словесную ткань. Так написаны, например, стихи «На одной волне». В других образ вспыхивает в одной или двух строках и, словно росчерк молнии, освещает всю вещь целиком. Можно привести целый ряд таких счастливых находок. Крутые спуски автор уподобляет слалому, настолько они сложны для водителей. Сосульки сравнивает с градусниками. Мороз у него такой, что даже дым в трубе замерзает. Весенний пал мчится, словно «колесница огневая, развеивая гривы

широко» и так далее. Все это не только украшает стихи, но и делает их материально зримыми и, значит, художественно убедительными. Автор не боится взяться и за такой трудный жанр поэзии, каким является сонет. Это также говорит о его растущем мастерстве.

Творческая биография Игоря Игнатенко пока только начинается. Сейчас он подготовил рукопись своей первой книжки. В скором времени она должна выйти в Хабаровском книжном издательстве. Есть в этой рукописи стихотворение «Ток жизни». Хотелось бы, чтобы и в дальнейшем все творчество Игоря Игнатенко пронизывал ток жизни самого высокого напряжения.

Выступление на Амурском радио, 1979 г.

«И ПОМОГИ ВСЕМУ ЖИВОМУ...»

...На взгорке талую листву
Развороши до почвы —
И вспыхнет, как по волшебству,
Веселый огонечек.
Еще с тобой он не знаком,
Такой смешной спросонок...

Мало, наверное, найдется людей, даже городских жителей, которые хоть раз в жизни не были бы в ранневесеннем лесу и не видели первые нежные ростки цветов. Но много ли среди нас таких, кто вот так же, как автор процитированного стихотворения «Подснежник» Игорь Игнатенко, подумает о том, что скрывается под оттаявшей старой листвой, и позовет помочь открыться волшебству новой жизни, то есть — сотворить маленькое добро. Уже одно это дает право Игнатенко называться поэтом, однако автор книги «Годовые кольца», вышедшей недавно в Хабаровском книжном издательстве, идет дальше и делает больше. Он позволяет нам, читателям, понять и прочувствовать природное стремление друг к другу всего живого и доброго на примере чистой и прекрасной встречи ребенка и цветка:

...Согрей ладони над цветком,
Как делает ребенок.
И он потянется к тебе,
Отважен и доверчив...

Как не поблагодарить поэта за такую встречу именно сейчас, когда идея безоглядной борьбы человека с природой, усердно воплощаемая на практике

многие годы, привела биосферу на порог экологического кризиса! Игнатенко не первый, кто зовет помочь «всему живому», понимая под живым весь мир нашей уникальной планеты, но сейчас важен не приоритет, а — каждый голос, важно каждое, пусть самое малое, действие против бездумного зла, разрушающего жизнь.

Поэт видит то, мимо чего тысячи проходят равнодушно:

...Все меньше остается им лугов —
Там сенокосом стеснены, там пашней...
У журавлей в природе нет врагов,
Но нет и воли им теперь вчерашней.

Эти строки — из стихотворения «Даурские журавли», внешне элегического, как и большинство стихов Игоря Игнатенко, но пронизанного тревожной нотой, прозвучавшей в первых же словах и вырвавшейся из-под оболочки спокойствия — в последних:

Гнездо родное — отчий дом,
Что с ним?
Кем эти стены хрупкие хранимы?

Сколько раз перечитываю заключительную строку, столько раз воспринимаю «хранимы» как — «ранимы». Наверное, потому, что сегодня, в дни начавшейся перестройки нашего во многом закосневшего сознания, проблема ответственности за несправедные деяния воспринимается острее других.

Остра она и для поэта Игнатенко. Об этом со всей очевидностью свидетельствует большая, почти эпического склада, «Баллада о лосиных рогах»:

«Тайги неисчислимы закрома!
В ней зверь не пуган и трава не мята...»
Все это было, было!
Но когда-то.
Да многое погибло задарма.

Спокойный и обстоятельный по натуре человек — это отчетливо отражается во многих стихах, — Игорь Игнатенко буквально «вскипает... злостью» (его собственные слова), когда говорит о губителях природы:

...досужий браконьер
С его ружьем, капканами, сетями

Бледнеет пред заезжими гостями,
Что промышляют на иной манер...

«Заезжие гости» — это высокие чины, перед которыми гнут спины местные угодники и ради того, чтобы, «ублажив» начальство, продолжать властвовать «на местах», готовы не только «взять лося» — на что угодно поднимут руку!

Игнатенко гневен и беспощаден в изображении тех и других — людей «с душонкою ничтожной», его гражданская совесть возмущена до предела, и кажется, поэт вот-вот разразится убийственной филиппикой прямой публицистики против этого олицетворения зла, однако он оказывается куда мудрей, позволяя себе всего одно горькое восклицание:

...Лосиные тяжелые рога,
Как много вас навешано в прихожих,
Где гости и хозяин в модных кожах!
Об этом знает только лишь тайга...

Мудрость его заключается в том, что он показал злодейство, и благодаря поэту «об этом знает» уже не только тайга, а все мы, читатели. Зло сильно там, где нет гласности, — вынесенное на всеобщее обозрение, оно во многом теряет свое могущество и может быть побеждено. Игорь Игнатенко помогает побеждать зло.

В книге «Годовые кольца» много воспоминаний о детстве, много Любви к своей «малой родине» — Приамурью, преклонения перед ее простой, незатейливой красотой, много радости от общения с природой и хорошими людьми. Не все эти стихи, как мне кажется, равноценны — есть посильнее, есть послабее. Кое-где, думается, стоило и редактору проявить больше требовательности, заставить автора поработать. По себе знаю, как привыкаешь к собственным строчкам, и товарищеский свежий взгляд со стороны позволяет увидеть в них недоработки. Не всегда такой взгляд приятен, однако, несомненно, — полезен. Но — в оценках этих, разумеется, много субъективного, да и книжка уже вышла в свет, надо ее принимать такой, как она есть, со всеми достоинствами и недостатками.

О недостатках пусть выскажутся профессиональные критики, а здесь — слово товарища по перу. Что же касается достоинств, то главным из них, на мой взгляд, стало включение в книгу венка сонетов «Ровесница», посвященного матери поэта. Форма венка далека от канонической. Игнатенко, без сомнения, сознательно отказался от сложной внутренней рифмовки сонетов и сделал правильный выбор в пользу простоты и ясности мысли и чувства. «Ровесница» — это пронзительная и трогатель-

ная исповедь сына, запоздалое признание в неизбывной любви к самому родному человеку:

...Ты прожила лишь тридцать восемь лет.
Как это все же беспощадно мало!
И до сих пор прощения мне нет,
Что в смертный час с тобой я не был, мама...

Сын стал ровесником своей матери, стал отцом и только теперь понял, что скрывается за будничными отношениями родителей и детей, какой груз ответственности ложится на того, кто дает начало новой жизни.

Вспомним: в отдельных стихах Игорь Игнатенко ратовал за помощь всему живому, в венке сонетов душа открывается и принимает в себя все боли нашего мятущегося, тревожного, прекрасного мира.

Простые, безыскусные стихи Игнатенко приоткрывают душу читателя навстречу «всему живому», призывают помочь ему, и уже одного этого достаточно, чтобы каждый человек познакомился с ними поближе.

*Станислав Федотов,
член Союза писателей СССР.*

«Амурская правда», 26 июня 1987 года.

ДОВОЛЬНО ЖДАТЬ ПОВОДЫРЯ

Это, пожалуй, стало уже стереотипом, дурным тоном — озаглавливать статью о поэте строчкой из его стихотворения. Но, с другой стороны, настоящий поэт вольно или невольно лучше, чем кто-либо, говорит о себе сам, и задача пишущего о нем — найти ту самую строчку, которая точнее всего отразила бы суть ее автора, его лицо. И мне показалось, что слова, вынесенные в заголовок, не только отражают глубинную сущность сегодняшнего Игоря Игнатенко, его поэтическое и человеческое кредо, но и с великолепной точностью ложатся в контекст нашего времени. Да, наше общество и каждый человек в отдельности (по крайней мере, большинство) подошли к пониманию той простой истины, что пора самим решать свою судьбу.

События последних трех лет, ничтожно малые в масштабах страны, но весьма показательные в масштабах личности (следовательно, оказывающие влияние на состояние общества), имеющие прямое отношение к нашему герою, неплохо, как мне кажется, иллюстрируют эту нехитрую мысль.

Выпустив первую свою поэтическую книжку («Сентябрины» в кассете «Радуга-82») в возрасте 39 лет, вторую («Годовые кольца») после 45 — что для активно работающего поэта, скажем прямо, довольно мало, — Игорь словно дожидался того момента, когда рынок ворвется в литературу, круша государственные издательства и журналы и поставив некоммерческие издания, в первую очередь поэзию, перед реальной угрозой публичной смерти. Дожидался, чтобы как раз доказать обратное: в то время как некоторые его товарищи по перу впали в отчаяние, потеряв возможность хоть изредка, но в плановом порядке выпускать в свет свои творения, и в результате перестали писать, Игорь Игнатенко один из первых находит благодетеля (сельхозинститут, где он работает редактором многотиражной газеты) и публикует солидную этапную книгу «Пора плодов». Эта книга стала для него безотказным пропуском в Союз писателей России.

Но одной «Поры плодов» для оправдания пусть и полушутливого утверждения («дожидался») было б маловато — поэт Игнатенко издает повесть «Бег по кругу» и, наконец, к своему 50-летию, маленькую, однако, на мой взгляд, тоже этапную, книжку стихов — «Гнездовья».

Мы отмечаем юбилей Игоря Игнатенко, стихи и песни которого знают не только на Амуре, и знают давно. Поэтому я здесь о них ничего не говорю, но наши пожелания другу и товарищу по перу (со-пернику) выскажу чуть позже, а сейчас хочу слегка коснуться уже упомянутой книжки «Гнездовья».

Итак, к своему полувекую Игорь Игнатенко расписался (и раз-два-три — издался), и «Гнездовья» как раз отражают его сегодняшнее состояние. Разумеется, есть уже и новые стихи, часть из них соседствуют с моей статьей, но все же «Гнездовья» — книга (пусть небольшая — А. Блок не стыдился выпускать свои сборники такого объема и таким тиражом), а книга — это объемный отпечаток личности автора, что-то вроде голограммы, где каждое стихотворение есть часть и целое одновременно. Потому я и назвал ее этапной. Хотя, по сути, для редко издающегося автора любая книга — этапная.

Хотя автор не делил свое творение на разделы, они четко выделяются по тематическому подбору стихов: лирика пейзажная, гражданские и публицистические стихи и философические размышления. И такое построение книжки, я думаю, не случайно. Поставленная в центре гражданская лирика (точная ассоциация с жуткой заполитизированностью всей нашей жизни) бросает свой отсвет и на красоту природы, и на мысли о любви, о жизни (не быте, а — вечной категории). В шести небольших стихотворениях уместилась вся советская эпоха — от подразверстки до 1991 года (стихотворение так и названо — «Россия. 1991»), от острого сочувствия горю далеких и близких людей до сердечного приступа от боли за судьбу народа, судьбу Родины. Энергию боли и гнева излучают все эти стихи, однако наибольшей обладает, по-моему, странное на первый взгляд стихотворение «Изверги»:

Били хлопцы батьку дружным коллективом.
Больно очень было, горько старику.
Подкреплялись хлебом, освежались пивом:
— То ли, батя, было на твоём веку?

Страшная, бесчеловечная картина! Даже не сказано, за что же конкретно бьют — просто бьют, и всё! Однако постепенно выясняется, что такими извергами их воспитал «батя», воспитала его эпоха, а они, как достойные ученики, пошли еще дальше: отец бил чужих, они бьют уже и отца. Помните библейское: «Посеяв ветер, пожнешь бурю»? Мы пожинаем сегодня плоды того, что посеяли, сами того не замечая или веря, что делают добро, наши предшественники. А сами что сеем?

Более удивительного стихотворения я у Игоря не знаю. Главное — здесь всё на месте, и всё точно. Балладный строй — который, очевидно, и придает стихотворению некоторую странность, содержание-то отнюдь не балладное, — его размеренная замедленность окрашивают происходящее в цвета Армагеддона, конца света, и создают впечатление повседневности факта (Армагеддон каждый день — тоже быт), то есть еще большего ужаса.

— Плоть первична, батя, — умничают хлопцы, —
Ну а дух вторичен. Стало быть, учтем:
Если тело брэнное мы сейчас прихлопнем,
И душа не сыщется даже днем с огнем.

Само слово «изверги» в таком контексте приобретает свой первичный смысл — «извергнутые» (из родителя, «бати»). Или — «плоть от плоти твоей». Замечательное стихотворение!

А «отсветы»? В первом же, открывающем книжку стихотворении аналогичная, по сути, картина: сухие пустые гнезда, где некогда кипела жизнь, «гнездовья, потерявшие птенцов». Ассоциации долго искать не надо. Однако здесь присутствует надежда:

...только вновь
Расклеит май березовые почки.
И эту жизнь, как вешнюю любовь,
Пусть ощутят без боли мои дочки.

И та же надежда через фатальную констатацию «убрали люди скудный урожай, мечты о счастье отложив на завтра»:

...И чтоб в глаза смотрела иногда
с теплом участия женщина святая...

Те же чувства и мысли заключены и в «Стуже», и в «Непонятной зиме...», и в «Снеге»... И в большинстве философских стихотворений. Надежда, прорастающая сквозь грусть («Гнездовья» — грустная книга, напрочь лишенная бравадности прежних лет, а потому — книга мудрая), сквозь осознание бренности пребывания человека на этом свете, но — основанная на вечности земной, а не потусторонней жизни. Игнатенко-поэт, многое поняв и осознав, остается материалистом и стремится убедить читателя в своей правоте: только эта жизнь прекрасна, берегите ее!

Книга получилась сдержанная, добрая, душевная. В общем, каков автор, такова и книга. И неважно, что она не набирает даже 700 строк, авторского листа, мал золотник, да дорог. Я от души поздравляю поэта с таким выходом к читателю!

И считая очень преждевременными изречения, подобные «Сердце бьется уже обреченно, / В голове погребальные звоны / Зачинаются и звучат...», желаем Игорю Даниловичу не только понянчить внуков и правнуков, но дальше доказывать со-перникам, что рынок не помеха для творчества — то есть выпускать книжку за книжкой, пока достанет сил.

*Станислав Федотов,
ответственный секретарь
Амурской писательской организации*

«Амурская правда», 7 мая 1993 года.

ИГОРЬ ИГНАТЕНКО

У меня дома собраны все поэтические сборники И. Игнатенко, и все они с добрыми пожеланиями счастья. По-моему, я был одним из первых, кому эти сборники и дарились. Иначе и не могло быть. Пять лет учебы на историко-филологическом факультете БГПИ в одной группе, три года проживания в одной комнате студенческого общежития, совместное сотрудничество в институтской многотиражке «За педагогические кадры», да и в дальнейшем судьба особо не разбрасывала наши пути, разве только это были годы моей учебы в Москве и работа Игоря на БАМе. Но все равно мы встречались, и довольно часто. Так что и рождение его книг каким-то образом происходило на моих глазах, хотя зачатие стихов оставалось тайной. Но так и должно быть.

В 1993 году Игорю Даниловичу исполнилось 50 лет. К юбилею в Благовещенске на полиграфической базе ныне уже Дальневосточного агроуниверситета вышла пятая поэтическая книжка И. Игнатенко «Гнездовья». «Да

хранит Господь Ваше гнездо и наше общее гнездовье от бурь конца тысячелетия» — это авторское посвящение моей семье датировано 18 мая. И мне думается, что в этом посвящении предельно точно определена главная поэтическая задача его творчества.

В аннотации к сборнику говорится, что в новой книге стихов члена Союза писателей России И. Игнатенко пейзажная, любовная и философская лирика тесно переплетается с поэтической публицистикой. Книга — раздумья поэта о Родине, трудных испытаниях, выпавших на долю ее сыновей и дочерей.

Впрочем, откроем книгу.

(Далее Николай Недельский цитирует стихотворение «Я, словно клен, к земле родной прирос...», см. «Избранное», том 1, стр. 318).

Я привел стихотворение, которым открывается сборник и которое задает ему тон. Что можно о нем сказать? Сказать, что оно выстрадано — не сказать ничего — каждое поэтическое слово должно быть выстрадано, иначе поэзии нет и в помине. Но то, что я привел, — это стихи, поэзия по большому счету. И это дает право сказать о поэтическом мастерстве автора, который видит не только тему, но уже знает и умеет найти единственно верное художественное решение, когда отсекаются лишние фразы, слова, сочетания, убирается назидательность, ликвидируется риторика, когда авторская мысль воплощается в неповторимо личностной форме восприятия мира. Для меня ощущением авторского начала явились две последние строки стихотворения.

Для кого-то, может быть, мои размышления не убедительны. Ну что ж, давайте вернемся к истокам творчества И. Игнатенко.

Первая его книжка вышла в 1982 году и называлась «Сентябрины». О чем писал молодой автор? О строителях БАМа, о таежных поселках, реках или, как подчеркивалось в аннотации к сборнику, — «о своих современниках, о тех чувствах, что их волнуют». Большинство стихотворений — «Десант», «АЯМ», «Могот» — воспринимаются сегодня как дань времени, истории строительства БАМа. Признаемся, что и строки этих стихов — «В грядущее путь — он идет по Кувукте», «Она спешит на Чульман, родная колея» или «Застревала песня в горле, но работа грела нас» — мягко говоря, далеки от поэзии. Думаю, что и сам автор сегодня улыбнется, перечитывая эти строки — добрые, но наивно декларативные, впрочем, как и была наивна и декларативна жизнь многих из нас.

И вдруг, каким-то диссонансом на этом фоне, — стихи, настоящие, сделанные не наспех, а мастером, умельцем, взвешенно и прочно. И самое удивительное, что автор нашел себя в извечной, воспетой тысячами поэтов всех

стран теме. А тема эта — колыбельная песня. У Игоря Игнатенко «Колыбельная» — стихи, посвященные дочке Ларе.

Пчелы в садике давно
Улей свой замкнули.
Смотрит звездочка в окно.
Все уснули.

Притаились пауки.
Дремлет кот на стуле.
Тихо в доме у реки.
Все уснули.

Лишь на плесе пескари
Нехотя плеснули.
Будет тихо до зари.
Все уснули.

...Где-то ходит по степи
Счастье моей дочки.
Спи, малышка, крепче спи,
Прибавляй в росточке.

Прозрачно чистые стихи, написанные на одном дыхании, — они говорили об изобразительных возможностях автора, заставляли пристальнее вглядываться в его творчество.

В 1987 году, когда вышла книжка Игоря Игнатенко «Годовые кольца», я поздравил друга. В сборнике есть стихотворение «Даурские журавли», строки которого и определяют содержание всей книги: «Гнездо родное — отчий дом, что с ним? / Кем эти стены хрупкие хранимы?»

Стоит вдуматься не столько даже в художественное, сколько в нравственное содержание этих строк, и открывается трагическая тема разрушения нашего общего гнездовья. Воистину — «что с ним?» Отсюда понятна и ретроспективность многих и, по-моему, лучших стихотворений сборника, воскрешающих незабываемые моменты детства, юности, согретых теплом домашнего очага, добрым словом старшего товарища, отсюда и постоянное возвращение «на круги своя», чтоб «связь времен тем самым не нарушить».

Отсюда и стихотворение «Хохлатское», чтение которого рождает ощущение забытого детства — «Словно мать меня здесь повстречала и ввела в забытое тепло».

Об этом же и стихотворение «Желание»:

И не забыть, и не избыть,
Хоть на пороге зрелость,
Желанье печку истопить,
Чтоб мама отогрелась...

Список продолжают «Степина горка», «Сенокос» и, конечно, «Весенний счет» — стихотворение, в котором «...по дороге в садик дочка ведет всему на свете счет». Доброе и радостное стихотворение. Приведу некоторые строфы стихотворения.

...Потом деревья сосчитали —
Нам десяти хватило слов.
И десять домиков в квартале.
И даже десять встречных псов.

...Наивность дочки безотчетна,
Но ощущаю — и меня
Переполняет жажда счета
Мгновений начатого дня.

Венчает книжку венок сонетов «Ровесница», посвященный покойной матери. Почему «венки сонетов»? Вроде бы в наши дни исключительно редко обращаются к форме сонета, а здесь — целый «венки». Впрочем, на то авторская воля. Сам он свой выбор объяснил двумя последними строками заключительного пятнадцатого сонета — «Тебе сложил я строчку за строкой / Венки сонетов — дар мой запоздалый».

Считаю, что мой товарищ пошел в данном случае на серьезный художественный эксперимент. Будем считать, что эксперимент удался. Он, в сущности, и был проведен для того, чтобы еще раз подтвердить преемственность жизни, подаренной матерью и переданной автором своим дочерям:

На мой огонь — неровный и усталый —
Слетаются две дочки — два птенца.
С годами поседевший, возмужалый,
Горжусь я, мама, званием отца.

В 1990 году вышла третья книга стихов Игоря Игнатенко, «Пора плодов». Предисловие к сборнику написал О. Маслов. Он с полной определенностью обозначил характерные грани поэзии Игнатенко: лирический герой — сель-

ский интеллигент, в том числе и живущий в городе, но кровно связанный с селом; стержневая тема — связь поколений и времен; малая родина — Приамурье. Отсюда преклонение перед крестьянским трудом, любовь к дальневосточной природе, обращение к памяти детства, истории родного края и вера в его будущее, в торжество разума и человечности.

Отличительной чертой новой книги является то, что основу ее составляют два больших поэтических полотна — венок сонетов «Ровесница» и поэма «Годовые кольца». Мы видим, что работа над сонетами продолжается, отдадим должное взыскательности поэта.

Впервые берется Игорь Игнатенко за трудный эпический жанр. В последней главе поэмы «Годовые кольца» автор, обращаясь к будущему исследователю произведения, пишет:

Как едкому критику мне объяснить
Сюжета поэмы неровную нить,
Ритмов скачки, учащенность дыханья,
В чем здесь подтекста обоснованье
И сверхзадача, и просто идея,
Во имя чего я бьюсь и радею?

Не относя себя к «едким критикам», возьму на себя смелость утверждать, что сверхзадача поэмы намечена еще в стихотворении, проанализированном нами, — «Весенний счет»: поэт «Переполняет жажда счета мгновений начатого дня». Разумеется, в расчет нужно принять одну существенную поправку, а именно — следовало бы заменить слово «начатого» на «прожитого». А впрочем, это и необязательно.

Заключая поэму, автор предельно четко сформулировал сверхзадачу не только поэмы, но и всего своего творчества:

Покуда я жив, я считать обречен
Кольца былых и грядущих времен,
Кольца в деревьях, кольца в себе,
Кольца в Отечества трудной судьбе.

Годовые кольца лиственницы — «...триста сорок два кольца», они и породили «...триста сорок два вопроса», на которые автор и пытается дать ответ в своих философско-лирических раздумьях о времени, драматической истории края, о человеческих судьбах. От похода Пояркова — «Царева служба» (Кольцо седьмое) через лихолетье «в горевом году тридевятом», через пионерный период освоения золотых верхнеамурских приисков, через бури Гражданской войны, ужасы тридцать седьмого и до «стройки века», на кото-

рой приходит осознание самого простого: губим себя — часть природы, ибо «...в ее беззащитности есть обреченность, в ее обреченности — дум наших черствость». Смею думать — это лучшие строки поэмы.

И еще раз — о «Гнездовьях». О, я думаю, автор будет негодовать, что я не заметил сатирической направленности сборника, целого раздела «Иронические стихи»:

Тише воды, ниже травы!

— Увы...

Заметил. И я, и читатели. И главное — заметили то, что еще не вполне ясно прояснялось в прошлых книгах, — тягу к современности. Автор не может жить среди бурь отшумевших, он и не ищет их, но... Он встречает новые бури, фиксирует увиденное своим поэтическим мышлением. Распад страны, разрушение гнездовья — что может быть страшнее?

И осознание этого родило самое, на мой взгляд, лучшее стихотворение Игоря Игнатенко — «Изверги». О нем не надо рассуждать, читайте его.

(Николай Недельский цитирует стихотворение «Изверги». См. «Избранное», том 1, стр. 74).

Я не хочу разбирать это стихотворение. Мне ясно одно: Игорь Игнатенко начал говорить своим поэтическим языком. Лучше меня скажут его стихи, я под ними подписываюсь.

Николай Недельский,

кандидат филологических наук, доцент АмГУ.

Из книги «Очерки поэзии Приамурья», Благовещенск, 1994 год.

(Дается в сокращении).

«Я ОТ ЛЮБВИ ЖИВУ И УМИРАЮ...»

Как всякий человек, люблю праздники, но больше всяких праздников меня радует выход новой книги у кого-нибудь из моих друзей или старых знакомых. Сейчас мало написать книгу, надо еще найти деньги на ее издание, а я, сколько живу, поэтов при деньгах не встречала. Поэтому, когда выходит книга, радуюсь не только за автора, но и за того, кто помог ее издать, ибо каждый экземпляр, попавший к людям, найдет свое место в чьей-то душе или поможет кому-то в трудную минуту, кого-то развеселит, кого-то заставит задуматься... То есть начнет жить жизнью просто книги. И это здорово!

Новая книга Игоря Игнатенко сначала обрадовала меня самим фактом выхода в свет, а потом и содержанием. Эта книга с тревожно-грустным названием «Прощай...» заставила посмотреть другими глазами на человека, которого я знаю без малого 20 лет и дружбой с которым очень дорожу. Она необычна не только потому, что все стихи, вошедшие в нее, написаны минувшей осенью, но и потому, что впервые, на мой взгляд, Игорь так широко распахивает душу перед читателем, привыкшим к его сдержанности. Хотя он все тот же сильный, мужественный человек, рыцарь как в поэзии, так и в жизни, только зрение стало острее да слова точнее:

Я не играю.

Нет, я не играю,

Я от любви живу и умираю,

И воскресаю тоже от любви.

И действительно весь сборник просто дышит любовью к жизни, ко всему хрупкому, неповторимому, к единственной в мире и просто к людям, волею судьбы оказавшимся рядом, как шестеро мужиков в послеоперационной палате из стихотворения «В палате»:

...Успеем отдохнуть в земле.

Под скальпелем хирурга

Мы все лежали на столе

И живы с перепуга.

Жизнь принимать нас не спешит —

По капле, понемногу.

Здесь каждый взрезан и зашит,

И предоставлен Богу...

Ироничность по отношению к самому себе свойственна только сильным людям, но И. Игнатенко хватает мужества подшучивать и над «друзьями по несчастью», и над собой:

Судьба! Спаси и сохрани

Всех, кто лежит в палате,

Продли немереные дни,

А мы тебе отплатим:

Завяжет с выпивкой Иван,

Курить забросит Мишка,

Не будет бить жену Степан,

Я накропаю книжку.

О книге стихов И. Игнатенко «Прощай...» можно говорить долго, но лучше бы просто прочитать, хотя вряд ли она дойдет до тындинских книжных магазинов — уж очень мал тираж, всего 500 экземпляров. И все же обращаюсь к любителям поэзии: будете в Благовещенске, постарайтесь найти эту книгу, и пусть вас не отпугнет более чем скромная обложка, под ней такая напряженная любовь к жизни, будто каждый день — последний.

Могу добавить, что на общем собрании Амурской писательской организации в Благовещенске книга стихов И. Игнатенко «Прощай...» была выдвинута на соискание Амурской премии за 1995 год. Думаю, она того стоит.

Тамара Шульга

Газета «Авангард», октябрь 1995 г.

ПРОЩАЙ И ЗДРАВСТВУЙ!

Человек привыкает ко всему, и быстрее всего — к жизни. Живет себе, полагая, что так и быть должно. Однако бывают обстоятельства, в которых неповторимость и бесценность земного бытия ощущаются с такой силой, что желание жить на какой-то период становится самоцелью. Одно из них — смертельно опасный недуг, когда твой единственный шанс выжить зависит от профессионального уровня другого человека, которому судьба вложила в руку спасительный нож — скальпель.

Всякий разумный человек понимает, что из операционной есть два выхода, и перед тем как лечь на операционный стол дает себе зарок: если проснусь, то уже никогда об этом не пожалею и не устыжусь своего воскрешения. Если бы хватало духу быть верным ему до конца! Но какое-то время он действует. У простых смертных это проявляется в их примерном житейском поведении, а у поэтов — иногда взрывом творчества. Именно это случилось с Игорем Игнатенко, и как результат — перед нами его новая книга стихов «Прощай...».

Отличительная ее особенность — писалась она по ходу жизни, над которой нависла реальная угроза, и вопрос «Быть или не быть?» встал перед автором в своем конкретном значении. Трудно в такой ситуации избежать душевного смятения, и оно поначалу чувствуется в тематическом и стилевом сумбуре. Но поэт быстро находит точку опоры, и пока будущее в тумане, им владеют два стремления: одолеть недуг, а если не получится — успеть сполна открыть душу людям.

Что же он спешит сказать читателю? Прежде всего, напомнить, что «пути земные страшно коротки, они ведут отнюдь не в бесконечность», что надо больше дорожить жизнью и тем, что нас окружает. Естественно, ему хочется высказать свое кредо о главном деле своей жизни — назначении художника («Завет», «Поэзия») и попытаться определить свое место в литературе («Мой почерк», «Иду к столу, как будто на Голгофу...»). Одновременно с этим укрепляется и самоутверждение его как личности («Воззвание», «Мужчине»), яснее видится отличие истинных жизненных ценностей от преходящих («Я люблю тебя...», «Три слова...», «Разговор с бизнесменом»). Кое-где прорывается и досада на себя за пустопорожне прожитые дни и годы («На кромке прибоя»), невольно вспоминаются все близкие люди («В Родительский день»). И все чаще взоры поэта от земли обращаются к небу, и крепнет вера в бессмертие души:

Так не опоздай же с покаяньем,
Душу для бессмертия спаси.

Но вот наступает решающий день: человек вверяет свою судьбу хирургу и... в одночасье роковой вопрос решается в пользу «быть». Нет, это пока не выздоровление — до него еще далеко.

Жизнь принимать нас не спешит —
По капле, понемногу.
Здесь каждый взрезан и зашит,
И предоставлен Богу.

И все-таки это уже не муки неизвестности, не подготовка к встрече со смертью, а хоть и медленное, но восхождение к жизни. Минорный настрой души сменяется на мажорный, все шире и разнообразнее становится круг интересов. И вот наконец:

Я снова молод, счастлив и силен,
Вновь творческой отвагой окрылен.
Всего-то надо было — лечь под скальпель
И ощутить, как в эту жизнь влюблен.
(«В палате»).

И вот тут в самый раз озадачить себя вопросом: почему же книга называется «Прощай...», почему такой пронзительной тоской и болью пронизано одноименное стихотворение? Кому, чему «прощай», когда свершилось, по существу, второе рождение, новая встреча с жизнью?

В ответе на эти вопросы и кроется, на мой взгляд, тайна прозрения, которая открылась поэту вопреки его желанию и сделала эту книгу неординарной. Автору после упорного и мучительного противоборства с реальностью во всей своей полноте открылось очевидное: как невозможно речному потоку дважды пройти одно русло, так нельзя и человеку повторно пережить свою молодость.

Открытия тут, разумеется, никакого нет. Еще Пушкин в канун своего тридцатилетия писал:

Так, полдень мой настал, и нужно
Мне в том сознаться, вижу я.
Но так и быть: простимся дружно,
О юность легкая моя!
.....
Благодарю тебя. Тобою
Среди тревог и в тишине
Я наслаждался... и вполне...

Но на то он и гений, чтобы в тридцать лет постигнуть то, с чем другие не могут смириться и в пятьдесят. Автор «Прощай...», пережив второе рождение, ощутил такую тягу к жизни, что ему показалось, будто ее можно продолжить не с того рубежа, где застигла беда, а в буквальном смысле чуть ли не с самого начала. И вот тут жизнь, час за часом и шаг за шагом, стала исправлять его ошибку и ставить на свое место.

Наподобие блоковской Прекрасной Дамы создав образ библейской Жены, поэт безотчетно предался главной заботе молодости — всепобеждающей любви:

Я столько раз
Видал тебя во сне,
Что, встретив наяву,
Не удивился,
Не вздрогнул.
Не вздохнул,
Не восхитился —
Ведь ты давно
Принадлежала мне.

Он признается ей в своем глубоком чувстве: пишет задушевные стихи, сонет, романс. Но буквально с первых строк этого запоздалого романа его пронизывают нотки обреченности и неизбежной разлуки. Постепенно это ощущение переходит в осознание.

Лишь я один во всем виновен:
И в том, что осень за спиною;
И в том, что стынешь ты сейчас;
Что уплывут вороны к югу,
Покинув город, холод, вьюгу,
И не возьмут с собою нас.

И наконец как роковой финал:

Прощай! Такая наша доля —
Встречать, сживаться, отпускать.
Маньчжурский ветер в стылом поле
Тебя отправился искать.
Костра бывшего головешки...
Он даже пепел не сберег.
Октябрь в какой-то страшной спешке
Задул последний уголек.
Замерз ручей на дне оврага.
Предзимье заковало край.
И только ветер-бедолага
Свистит в камышинку: «Прощай...»

Вот такая грустная исповедь души, которая покоряет своей доверительной открытостью и ставит эти стихи в ранг истинной поэзии.

Но жизнь не кончается порой молодости, и, попрощавшись с нею, человек вступает (а в данном случае возвращается) в пору зрелости, у которой свои радости, горести и заботы. И поэт находит в себе силы сказать ей: «Здравствуй». В этом плане особенно убедительна «Баллада о спичках», где он с большим знанием дела уличает возлюбленную в собственных прежних грехах, а затем, проснувшись, в образе коробка спичек отдает свой «меч» уже не библейской, а просто жене для семейного уюта и тепла, тем самым как бы начиная новую страницу жизни.

Не хочется останавливаться на недостатках книги. Они есть, и главная причина их — спешка. Поэт спешил как написать, так и издать свои стихи. Главное — книга родилась и представляет собой явление литературы, равно которому в Приамурье за последний год что-то не припомнится. Уверен, что каждый, кто возьмет ее в руки, прочтет стихи с таким же волнением, с каким они были написаны.

Олег Маслов

«Амурская правда», 25 ноября 1995 г.

Книги Игоря Игнатенко (1982–2010)

СКОЛЬКО ЛЕТ ВПЕРЕДИ — СТОЛЬКО СЧАСТЬЯ

*Размышления участницы областного семинара юных литераторов
о книге стихотворений Игоря Игнатенко «В ритме дыхания»*

Игорь Игнатенко — наш амурский писатель. Его сборник «В ритме дыхания» считаю удачным, так как в него включены стихотворения с глубоким смыслом, раскрывающие многие стороны нашей жизни. Они повествуют нам о сложных вещах простым и доступным языком, являющимся ярким и образным, рассчитанным на самые широкие круги читателей.

Стихотворения писателя пропитаны ностальгией о прожитых годах. Например, такие строки в размере японского хокку:

Смеется внучка.
Всхлипывает бабушка.
Тикают часы.

Они повествуют нам о течении времени. О том, что пока ты молод, ты весел и беззаботен. В твоей голове нет мыслей ни о времени, ни о жизни. Ты знаешь лишь одно: сейчас у тебя сколько лет впереди — столько счастья. А как только ты вырос, начинаешь задумываться о своей жизни, о том, что успел и не успел сделать. Бабушка всхлипывает не оттого, возможно, что было у нее в жизни много плохого, но оттого, что было что-то хорошее, которое безвозвратно ушло, и его не вернуть ни за какие деньги мира. А часы в свою очередь отсчитывают время. Время, которое убегает так быстро, что не успеваешь за него схватиться и приостановить.

И все эти чувства, эмоции и размышления автор передает тремя меткими предложениями. Не каждый писатель может так искусно выразить то, о чем ему хотелось нам поведать. А вот другое хокку:

Кукушка поет
Монотонно и длинно —
Годы считает.

Оно также рассказывает о течении времени, но уже для человека, жизнь которого не удалась. Этот человек, наверное, ждет чего-то и не может дождаться.

И в стихотворении «У зеркала» автор тоже пытается донести до нас размышления о времени, но уже через женщину, боящуюся старости, не понимающую, почему так должно быть, ведь она так не хочет, так боится этого. И бессознательно, впрочем, так же как и безрезультатно, молит:

О амальгама! Серебро
Твое с годами потускнело,
Но до того мне что за дело!
Верни мое бывшее тело.
Молю тебя, сверши добро.

Этим стихотворением автор пытается объяснить, как мне кажется, что глупо хвататься за прошлое: былого не вернешь, так же как ушедшую красоту не вернуть никакими операциями. Можно лишь жить сегодня, а не вчера, и создавать новое взамен старого. Об этом как раз свидетельствует стихотворение «Ритмы наших дыханий». Здесь поэт подмечает: «Жить так просто. Сложнее не умирать». И он прав: все мы движемся к одному. Вопрос в другом: кто как проживет свою жизнь. Поэтому перед последней строкой поэт пишет: «Умерла моя бабушка, но живут ее сказки».

Вот и получается, что это был ее вызов смерти: сказки эти живут и будут жить, и будет о ней память по земле ходить. Ведь недаром говорят, что мы живем до тех пор, пока нас помнят.

Как видите, теме жизни и времени посвящены многие стихотворения в этом сборнике. Они заставляют нас задуматься, и каждый сделает свой вывод. Именно этого, так же как и любой писатель, Игорь Игнатенко добивался своими стихотворениями.

Кроме этой темы, автор раскрывает и множество других. Давайте обратим наш взор на стихи о женщинах. В них мы можем увидеть уважительное отношение и нежность, которые испытывает автор к слабому полу.

Хочется привести в пример стихотворение «Стирала женщина...», рассказывающее о тяжелой доле женщины. О том, что она рождена не только лишь для стирки, глажки, приготовления пищи, ухода за детьми. Но и о том, что ей, кроме этого, хочется любви и нежности. О том, что ей надоела такая жизнь, но она ничего не может с этим поделать.

О, кто бы ведал, как она устала!
О, кто бы знал, как ей постыло всё.

А знать это необходимо в первую очередь мужчине, который должен заботиться и помогать ей. И именно здесь поэт как бы задает вопрос: «Почему этого человека нет рядом? Почему только женщину поглощают повседневная рутина и заботы семейной жизни?», — пытаюсь натолкнуть мужчин на эти размышления.

Стихотворение «Белый букет», написанное 8 марта 1996 года, мне очень понравилось. По дате несложно догадаться, кому оно адресовано. Игорь Игнатенко посвящает его женщинам и пишет:

Вам, всё успевающим.
Вам, единственным и неповторимым,
От рожденья и на века —
Мой поклон, мое восхищенье,
И признательность, и благодарность,
И мое мужское «прости»...

За что признательность и благодарность? Да за то, что всё лежит на их хрупких плечах. Редкий мужчина может справиться без женщины. И мужское «прости» именно за то же, за что и благодарность — за то, что женщина всегда и мать, и жена, и друг, и помощник. И всегда она всех любящая и всё прощающая. Автор, на мой взгляд, считает, что это достойно наивысшей похвалы.

В стихотворении «Я был у Бога...» можно найти подтверждение моим словам:

Ежесекундно, ежечасно .
И ежедневно Бог — Она.

Следующая тема, на которую я хотела бы обратить ваше внимание, это тема Поэта и Поэзии. Она представлена в сборнике достаточно широко такими стихотворениями, как «С запозданием, но вновь...», «Поэзия — это взгляд на мир», «Не спят ночами темными...», «Пушкин», и рядом других. В них писатель показывает нам процесс созидания, то, как сотворяет свои маленькие шедевры.

В лирическом произведении «Не спят ночами темными...» автор проводит параллель между поэтом и злодеем. В нем есть такие слова:

Сей промысел кромешный
Творцам и жертвам страшен:
Один несет добычу,
Другой — свои стихи.

Я понимаю это стихотворение так: поэты, как и злодеи, пронзают свою «жертву» «ножом», но только не стальным, а «ножом» правды. А правда, как известно, часто оказывается не тем, что хотят слышать наши уши. Вот и получается, что поэт — это человек, несущий истину.

В стихотворении «Пушкин» задается риторический вопрос: «Что смерть поэта? — это только миг. Его явленье — вечности служенье». Действительно, вопрос является риторическим, ведь не будь в строчках на него ответа, мы всё равно бы знали: не будет смерти настоящему Поэту. Его шедеврами будут восхищаться многие и многие поколения. А. С. Пушкин является ве-

ликолепным тому примером. Поэтому я считаю, что Игорь Игнатенко как нельзя кстати задал этот вопрос именно в стихотворении, посвященном замечательному русскому классику.

Давайте теперь поговорим о том, как же автор описывает родную землю. Природа в стихотворениях И. Д. Игнатенко предстает перед нами во всей красе. Он пишет о ней с любовью и нежностью, аккуратно подбирая слова. Например, так:

Цвести, расти, дарить плоды —
Всему природа мудро учит.

Писатель любит описывать времена года. И если это осень, то, естественно, у него облетают листья с кленов, небо становится светлым, вокруг воцаряется тишина, и слышно лишь осенний дождь и ветер, и природа замирает, готовясь к долгой, морозной зиме. Зимой, как и должно быть, всё покрыто белым покрывалом, всё сияет чистотой, и природа тихо, спокойно и покорно ждет первых лучиков весны. Весна, как всегда, приходит весело, с пением птиц, снег тает, деревья оживают, жизнь бьет ключом, а природа ждет жаркого, насыщенного лета, которое уже не за горами.

А напоследок мне хотелось бы затронуть самую волнующую, на мой взгляд, тему любви.

Описывая это чистое чувство в стихотворении «Подозрителен кричащий...», автор объясняет нам, что ты чувствуешь, как бьется твое сердце. Не нужно кричать: «Люблю, люблю», нужно доказывать это в поступках. В сборнике много стихотворений о безответной любви. Скорее всего, это самое трагичное, что есть на белом свете. Столько несчастий из-за нее! Из таких мне безумно, и это откровенно, понравилось стихотворение «Молитва». В нем автор пишет о том, как сильно он ее любит, что она с ним всегда — наяву и во сне, в мечтах и желаниях. Но она его не любит, и ему остается только мириться с этим. Он как бы смеется над собой, пытаясь быть оптимистом и искать плюсы: «Ты меня не разлюбишь, ведь ты не любила меня».

Очень красиво переданы мысли и переживания. Не описать те ощущения, которые возникают при прочтении этой «Молитвы», так уж они проникают в душу.

А вот в стихотворении «Апрельский снег» поэт показывает всю чистоту, нежность и глубину чувств и пишет такие прелестные строки:

До встречи, родная,
Сквозь все расставанья,
Сквозь снов забытьё,
Сквозь ненастья весною!

Любимая, спи —
И во сне ты со мною.

И в заключение хочу сказать вам, уважаемые читатели, что, как вы уже успели заметить, я разделила стихотворения по темам, но на самом деле не все стихотворения в сборнике принадлежат каждое одной теме. Во многих из них темы искусно переплетаются, что делает их еще более прекрасными, интересными и яркими. Ведь нельзя говорить о женщинах без любви, а о любви к женщине — без любви к природе.

Советую вам прочитать эту книжку, так как мне кажется, что нельзя остаться равнодушным к стихотворениям Игоря Игнатенко.

*Тамара Самохвалова,
ученица 11 класса Юкталинской школы
Тындинского района*

1997

ТЕМА ЛЮБВИ В ТВОРЧЕСТВЕ ИГОРЯ ИГНАТЕНКО

Реферат ученицы 9 «Б» класса Такмаковой Натальи

Учитель Витохина Людмила Александровна.
Юкталинская средняя школа
Тындинского района Амурской области.

Тема любви не нова в литературе. От самых истоков её зарождения она прослеживается в творчестве замечательных русских поэтов. Когда я соприкоснулась с поэзией Игоря Игнатенко, меня привлекла именно эта тема. Желая узнать лучше творчество этого амурского поэта, я прочитала немало сборников его стихов. Каждый сборник пронизан каким-то особым лучезарным светом. И этот свет, я считаю, — свет любви. Никакая другая тема не удалась поэту И. Игнатенко так искренне, так нежно и глубоко, как тема любви. После чтения его стихов душа кажется какой-то очищенной, светлой, и хочется творить добро. Это и побудило меня взяться за написание реферата, посвященного теме любви в поэзии И. Игнатенко.

Я хочу, чтобы мое прочувствование его поэзии стало известно другим и, возможно, залегло к познанию его интересного творчества. Я сама — амурчанка и горжусь тем, что наша Амурская земля родила такого замечательного и талантливого поэта. Так и хочется сказать:

Земля моя! За то тебя целую,
Что ты певца такого родила,
Что ты в судьбу его, и горькую, и злую.
Невянущие розы заплела...

Обратиться к теме любви в творчестве амурского поэта И. Игнатенко меня побудило то обстоятельство, что сейчас, как мне кажется, в жизни людей как раз и недостаёт этого живительного чувства, которое питает нашу человеческую жизнь.

Сегодняшняя жизнь человека так стремительна, быстротечна, насыщена множеством интересных и важных дел. Порой кажется, что человеку некогда оглянуться, очень быстро, без всяких чувств, он встречается и легко расстается с другим человеком, нанося ему порой неизлечимые душевные раны. Часто заботясь о комфорте и удобстве собственного жилища, мечтая об удобной мягкой мебели, мы совершенно не заботимся о мире, спокойствии и работе своей собственной души. И только тогда, когда в теплом и уютном доме нам отчего-то плохо становится, страшно холодно, неуютно, мы ощущаем потребность в том, чего не замечали раньше, — в любви. И невольно рука тянется к томику стихов с сокровенными строками о прекрасном проявлении человеческого чувства — чувства любви. И прочитав одну-две странички, сразу ощущаешь волну тепла, нежности, какой-то неизведанной тайны. Так и произошло лично для меня открытие поэзии Игоря Даниловича Игнатенко.

Именно она сумела меня успокоить, взвесить главное в своей молодой жизни и отбросить мелочное, бытовое.

Поэзия Игнатенко глубоко осмысленная, раскрывающая различные стороны нашей жизни, но главное — импульсивная, стремительная, не оставляющая равнодушным читателя.

Одним из любимейших сборников поэта для меня стал сборник «В ритме дыхания». Из него я взяла для своих размышлений стихотворение «Молитва». Это стихотворение несет в себе трагическую тональность неразделенной любви. Лирический герой свято верит в торжество чувств между ним и возлюбленной.

Ты меня не разлюбишь — и звёзды с небес не сорвутся.

Ты меня не предашь — никому, ни за что, никогда.

Без тебя я умру, чтобы снова на землю вернуться,

Только ты на земле оставайся, родная, всегда.

Читая строки, пронизанные таким теплом, нежностью и любовью, очень верится в искренность чувств героя, и я как бы сама становлюсь сочувствующей участницей важного человеческого творения любви.

А вот эти строки заставляют особенно переживать за участь и судьбу возлюбленных:

Без тебя мне и вечность томительна, словно пустыня;
Ты со мною всегда и во всём, наяву и во сне;
Ты рабыня мечты моей, тайных желаний богиня;
До последней кровинки ты вся растворилась во мне...

Отрицание, выраженное словами: «не предашь — никому, ни за что, никогда» утверждает меня, читательницу, в мысли о том, насколько сильна и крепка любовь лирического героя.

Не состоялся бы Игорь Игнatenко как поэт, если бы в его творчестве отсутствовала тема особой, доброй и нежной любви к матери.

Это из своего таежного села Ромны, где он появился на свет 4 мая 1943 года, перенес он в строки своих поэтических сборников не просто теплые воспоминания о нем и о своих близких, а воспел, как я считаю, и воздал должное самому близкому и родному человеку — своей матери.

Старинных песен медленные звуки
В меня входили воздухом под стать.
И в радости, и в горе, и в разлуке
Любила мама песни напевать...

Это строки из поэмы «Ровесница», они о самом дорогом для Игоря Даниловича человеке — маме, Нине Александровне Фокиной, которая очень любила петь, читать, была артистична, любила театр.

И когда она ушла из жизни очень рано, вечная боль и страдание поселились в душе поэта. О ней он не забывал никогда: ни в горе, ни в радости. Лучшим доказательством его нерасторжимого единства с близким человеком служит стихотворение «Мамина могила под Москвою». Нельзя читать его строки без боли и сочувствия к поэту, сумевшему так искренне передать свое личное горе, полноту своих сыновьих чувств по отношению к близкому человеку.

Мамина могила под Москвою
Заросла пыреем, лебедою;
Выцвела оградка, поржавела;
На калитке вязочка истлела;
Памятник истлел и покосился;
Столик иструхлявел и свалился;
Тусклой фотокарточки овал
Много лет никто не целовал...

В последних строках — осознание Игорем Игнатенко своей вины перед матерью и святой памятью о ней. Быстротечность жизни, ее суетность, вечно накопившиеся дела не позволяют порой приехать к тем, кого мы любили и кто любил нас. Чувствуется глубокая вина, высказанная поэтом, за редкие встречи-свидания с родной матерью, за невозможность попроведовать ее могилу. Такое стихотворение никого не может оставить равнодушным, как иглами впитываясь в тело, строчки поэзии Игнатенко заставляют нашу совесть быть беспокойной и всегда думать и помнить о тех, кто с нами был рядом, кто подарил нам жизнь.

Но забыты бред и суета,
Жизнь давно совсем уже не та.
У порога вечности солгать
Сыну не позволит только мать...

Переливчатым, каким-то мажорным тоном переходит Игорь Игнатенко в своей поэзии от темы любви к матери, женщине к теме любви к своей Родине. Такая вот сочетаемость и многоликость этой любви прослеживается в стихотворении «Я люблю тебя». А строки, подтверждающие любовь и веру в страну, которая вырастила его, как человека и поэта, не оставляют и тени сомнения в том, что он горячо, до самого донца своего сердца, чувствует обоюдность этой любви.

Всё назвать и всё измерить
Я словами не берусь,
Зарекаюсь лицемерить,
Буду я в тебя лишь верить,
Прародительница Русь...

Для меня строки этой поэзии стали своеобразным жизненным ориентиром, ведь писатель открыто предостерегает нас, молодых, от того, чтобы мы не растратили свою жизнь на мелочное: получать наслаждения чисто физиологического характера, что есть у жизни другое предназначение для человека, и оно состоит в духовном созидании и росте, в потребности жить с любовью и дарить её другим. Подтверждение этому следующие строки поэта:

Не спеши набить утробу,
Ненасытный свой живот —
Это верный путь ко гробу,
Но любовью жить попробуй,
Кто не любит — не живёт.

В 1995 году Игорь Игнатенко получил звание лауреата Амурской премии в области литературы и искусства за сборник стихотворений «Прощай...». У книги ностальгическое название. Это прощание с самим собой прежним. От чего-то уходишь, к чему-то приходишь. И вот на каком-то переломе своей судьбы появился момент, когда Игорь Данилович сказал себе: «Прощай». Но это было не прощание с жизнью, а прощание с самим собой ранним, наивным.

Лучшим стихотворением в сборнике является стихотворение «Прощенье». В нем ощутимы зрелость, духовное мужание поэта. Тема любви сливается с философским размышлением автора о скоротечности человеческой жизни. Важным, считает он, должно быть признание человеком своих ошибок, своих грехов. И поэтому таким лейтмотивом звучат слова-признания:

Поспеши пред вечным расставаньем,
За грехи прощенья попроси.
Так не опоздай же с покаяньем,
Душу для бессмертия спаси...

Трогательным, волнующим периодом в жизни каждого является час разлуки, расставания. Особенно ранимо это для тех, кто любит. Бывает и так, что время разлуки расставляет всё на свои места. Так и лирические герои стихотворения И. Игнатенко «Я заглянул в её глаза...» не находят друг в друге той теплоты чувств, которая была до расставания. Пустые и холодные глаза той, которую любил лирический герой, которой дарил свою искренность и нежность. После разлуки его встречает «слепое равнодушие», но поэт вселяет веру и надежду в нас, читателей, что всё же восторжествуют чувства.

Мы с нею встретимся в свой час,
Когда она узнать захочет,
Чем я дышал и дни, и ночи, —
И брызнет свет из тусклых глаз...

Убедительной является аккордная строка этого стихотворения. Проникновенно донес поэт всепобеждающую силу настоящей любви.

Каким-то чарующем вихрем, свежестью врывается в сборник «Прощай...» стихотворение «Романс». Под ритм плавного танца зарождается любовь двоих. Поэт называет любовь героя «непрошеной», и это слово придает еще большую значимость тому, что зарождается между двумя танцующими.

Неужто мы друг другу лгали,
Когда, не прячась от людей,

В огромном зале танцевали,
На запоздалом карнавале
Любви непрощеной моей?

Всё приходится переживать влюбленным: и бури, и ненастья, житейские взлёты и падения. Всё будет преодолимо, когда восторжествует Любовь.

Своеобразным монологом, разговором с самим собой звучат слова в стихотворении «Ты молчала...», часто использованные риторические вопросы только усиливают ощущение трагедии, разыгравшейся в душе героя. Молчание двух влюбленных «тягостное», оно не сближает их, а еще больше отдаляет друг от друга. Использованная метафора «в сердце постучаться» позволяет ощутить ту крайнюю черту, до которой доходит герой в своем желании быть понятым любимой.

Ибо в тягостном молчанье
Было жуткое звучанье.
Вместо честного: «Прости...»
Я сорвался: «Отпусти».

И как бы ответом на просьбу любимого является стихотворение «Спокойно и невозмутимо...» из этого же сборника «Прощай...».

Спокойно и невозмутимо
Она отпустила меня,
Взглянув по обычаю мимо,
Привычке не изменяя...

Автор использует форму диалога для того, чтобы усилить значение происходящего: трудно расставаться возлюбленным, нелегко сделать первый шаг, сказать важные слова.

И холодом расставанья
Завьюжило вдруг все пути.
Уйду! Ухожу. Не увидишь...
Чего же я медлю, что жду?

Впечатляет в стихотворении то, как автору удалось совместить переживаемые чувства при расставании двоих с холодом, мертвым ликом природы. Она как бы подчеркивает невозможность возвращения былых чувств.

Аккордом в любовной лирике Игоря Игнатенко звучат строки в стихотворении «Молитва». В нем убедительно выражена мысль о том, что настоя-

щая любовь человека исчезает только с его смертью. И даже после нее поэт верит во встречу с возлюбленной «в краю заоблачном ином». Он не испытывает чувства страха перед концом: рядом с ним возлюбленная.

Мы не расстанемся до смерти,
Мы в час один с тобой умрем
И снова мы друг друга встретим
В краю заоблачном ином...

В 2003 году Игорю Даниловичу Игнатенко исполнилось 60 лет. Свой славный юбилей он отмечал творческими успехами. Своим землякам он подарил еще несколько сборников стихотворений. Игорь Данилович председатель правления Амурской писательской организации. В его активе немало персональных книг, и он полон новых творческих замыслов, которые питают поэта: родная речь, дальневосточная природа, ее люди, история, настоящий день и будущие страны.

2003

УПРУГИЙ ШАГ ЛИРИЧЕСКОЙ СТРОКИ

Давно я задумал написать очерк об Игоре Игнатенко и не раз мысленно разворачивал канву будущего повествования. Мы знакомы более сорока лет. Иногда наше общение было довольно тесным, повседневным, а иногда мы ходили разными тропами, которые, увы, подолгу не пересекались. Словом, для исполнения задуманного мне необходимо было вернуться к не такому уж близкому прошлому, сопоставить его с настоящим и задать вопрос: каково тебе, Игорь, было в этой непростой и нескучной жизни и что сегодня освежает твоё дыхание?

Еще в начале шестидесятых на одном из студенческих вечеров я первым подошел к Игнатенко и выразил желание с ним познакомиться. В газете «Амурский комсомолец» время от времени появлялись его стихотворения, которые мне нравились. Сам я за всю жизнь не связал ни одной приличной строфы, хотя, честно говоря, такие попытки предпринимал. Но к поэзии всегда был равнодушен.

Стояла пора многообещающей хрущевской «оттепели», на страницах популярных журналов — «Октябрь», «Юность», «Смена», «Огонек» — появились имена Евтушенко, Ахмадулиной, Вознесенского, Окуджавы... Правда, вскоре Никита Сергеевич решил, что дал творческой интеллигенции слишком много свободы, резко отозвался о работах Эрнста Неизвестного, подверг

публичной порке того же Евтушенко. Именно с тех времен и стала заметно чахнуть отечественная поэзия, пропитанная и оскверненная официозом и раболепием. А от поэтических проб Игоря исходил пряный аромат родной природы и молодости.

Чуть позже надолго и накрепко нас сблизил спорт.

В более зрелом возрасте мы стали встречаться гораздо реже, что вполне объяснимо: Игнатенко зарабатывал на жизнь журналистикой, а я — врачеванием и преподавательской работой в вузе. Когда я говорил Игорю, что продолжаю следить за его творчеством, он удивленно вскидывал брови и с некоторой иронией, но и с явным удовлетворением говорил: «Надо же! Вот не думал». Далее следовало конкретное предложение: «Слушай, давай как-нибудь встретимся, поболтаем, сгоняем партию-другую в шахматы. Ведь нам с тобой есть о чем вспомнить». В одну из таких встреч мы условились съездить в Ромны.

— Понимаешь, давненько не был на своей родине, а побывать хочется. Да и с членами районного литобъединения надо бы встретиться. А то скажут люди: как стал Игнатенко руководителем областной писательской организации, так и глаз не кажет... Ну что — поехали?

Для поездки мы выбрали не асфальтовую белогорскую дорогу, напряженную и суетную, а более спокойную и отрадную для глаз — через Ивановку, Луговое, Рогозовку. Занимался стылый зимний рассвет. Озябшие снаружи деревенские избы еще меланхолично подремывали, а их хозяева уже просыпались, неспешно выгребали из очагов вчерашнюю золу, закладывали в топки припасенные с вечера отогревшиеся поленья, погромыхивали кухонной утварью.

Наконец из-за горизонта появилась обожженная холодом макушка красноватого светила. Монотонная поначалу белизна полей заискрилась, под взгорками обрисовались неглубокие тени, и небогатая на полутона палитра зимнего утра заискрилась, оживила пейзаж. Совсем близко, метрах в пятидесяти от дороги, настороженно присела промышляющая мышей лиса.

— Ах ты рыжая пройда! — Игорь надавил на клаксон. Зверек сделал несколько прыжков и исчез в ближайшем перелеске.

За три часа неспешной езды можно вдосталь наговориться и поспорить. Игорь спорит, как и вообще говорит, весьма обстоятельно, может привести в свою пользу множество аргументов, подкрепить их сравнениями, аналогиями. Доводы оппонента выслушивает внимательно, после чего убежденно и последовательно начинает их опровергать и наконец решает разом оборвать утомившую его дискуссию: «Коля, не спорь, я это лучше знаю». Все, спор закончен. Можно ставить точку? Отнюдь. Я извлекаю из своих запасников не менее действенное оружие — делаю безразличную отмашку рукой: мол, укрепляйся на здоровье в своем мнении, а я останусь при своем.

Поселок Ромны, одноэтажный и деревянный на въезде — лишь центральная районная больница исключение, — встретил нас крепким морозцем. Клубы дыма из печных труб устремлялись вверх, постепенно все более кучерявясь, теряя свою тяжеловатую, со свинцовым отливом, сочность, и наконец рассеивались в небесной сини. На крыльце угловой избы появилась женщина в телогрейке нараспашку, заторопилась в огород, что-то выплеснула из ведра, на обратном пути прихватила несколько березовых поленьев и, зябко поеживаясь, проскользнула в сенцы. Высунув из конуры лишь кудлатую голову, просто так, на всякий случай, дважды взбрехнул пес и умолк, посчитав свою миссию охранника подворья выполненной.

В центре поселка, у одной из серых безликих трехэтажек, Игорь попросил: «Притормози». Вышел из машины и махнул мне рукой: выходи, разомнись немного.

— Грустно вспомнить, — сказал он, — что на этом месте когда-то стоял наш дом — добротный, рубленый, по-деревенски уютный... Хотя, конечно, отрицать блага цивилизации может только ханжа. Человеческое общество вообще по своей сути противоречиво. Кто-то объединяется в партии «зеленых» и бьется за здоровую, чистую природу, а в целом мировое сообщество решает свои техногенные проблемы, не особенно заботясь об экологии. И хотя в моем стихотворении «Путешествие в лето» есть строки: «Не завидую жителям города ни зимой, ни весной и ни летом», — сегодня я человек глубоко городской. Несколько вылазок на рыбалку и сезонной работы на шести сотках мне вполне достаточно, чтобы пообщаться с матушкой-природой, вспомнить о босоногом детстве, о родителях...

Отец его, Данил Сергеевич, появился в Амурской области в начале 30-х годов: страшный голод на Украине подвигнул многих малороссов на перемену места жительства. В Благовещенске он получил среднее медицинское образование, здесь же начал работать, но областное партийное начальство быстро отметило инициативного коммуниста и направило его в Ромны заведовать районной больницей. Собственно, больницы еще и не было, ее еще предстояло построить. Дело у начинающего руководителя спорилось.

В одной из командировок на станции Куйбышевка-Восточная (ныне Белогорск) он познакомился с Ниной, которая окончила школу, — и тут грянула война. Без баловства, сколько было положено приличиями того времени, молодые люди встречались, а потом, с соблюдением всех формальностей, поженились. Через год в молодой семье появился Игорек.

Отец был строг, сдержан и вечно озабочен делами. Мать привлекала прямоотой характера, быстро сходилась с людьми, жизненной энергией была наделена в избытке. Не случайно именно Нина Александровна стала создателем, режиссером и актером народного театра. На его представления в районном

Доме культуры люди ходили как на праздник. По вечерам вся семья Игнатенко слушала радио (телевизоров тогда и в помине не было), и если шла передача «Театр у микрофона», все внимание было обращено к матери. В вопросах оценки сценического искусства она была непререкаемым авторитетом.

Дома — характерная для тех времен скромность и простота: все необходимое и ничего лишнего. На подворье — корова, поросенок, куры. Сразу за огородом плантация дикой земляники, орешник — летняя улада деревенской ребятни. Неподалеку «гребля» — место для купания и «пиратских» баталий: плот на плот.

Когда поздним зимним вечером мама заносила домой подойник с парным молоком и начинала хлопотать у плиты, Игорек удивлялся: отчего кисти рук у нее покрасневшие и слегка припухшие — от холода не отошли, что ли? Память сохранила детские впечатления, и годам к сорока они сложились в простые, но полные сыновней заботы строки: «И не забыть, и не избыть, хоть на пороге зрелость, желанье печку истопить, чтоб мама отогрелась».

Послевоенные годы запомнились ветхой одежкой, очередями за хлебом и ужасным дефицитом на хорошую детскую книжку. Вечером, отмыв уличный загар и слегка умаслив пустой желудок, Игорек терпеливо дожидался, когда придет мать. Это было как игра-«угадайка». Если мама входила в дом как-то неуверенно, пряча глаза от сына, и подчеркнуто тяжело произносила: «Ух, устала», — было ясно: сегодня новой книжки нет. Если же она входила с улыбкой и глаза ее рассыпали веселые искорки, он сноровисто запускал руку в сумку. Есть! Бианки!

Ученые до сих пор ломают копья: что в большей степени формирует характер и склонности личности — генетика, воспитание или среда человеческого общения? Очень не хочется верить, что общепризнанной и безапелляционно точной науке — генетике — все-таки отдадут приоритет. От этого веет холодом безысходности. Думаю, что именно воспитание в раннем детстве, и особенно материнское внимание, навсегда связало Игоря с родной природой. Любой его поэтический сборник являет картинки с натуры — то грустно-лирические, то романтические, то философские. А тогда, в детстве, — Бианки, Пришвин, Паустовский... Он торопил строчки, перескакивая глазами через одну, — уж очень хотелось поскорее узнать, чем закончится дуэль охотника Степана и ловкого соболька Аскыра. Сердечко обрывалось: неужели... неужели охотник победит? Мальчишеское тельце вживую ощущало яростную силу Лося-Одинца, его стать, уверенность и мудрость. А слова, слова-то какие: «кержаки», «шивера»!..

Как-то он вычитал, что герои Джека Лондона, старатели, эти отважные и удачливые люди, питались фасолью и беконом.

— Бабушка, давай сегодня поужинаем фасолью и беконом.

— С чего это ты так разохотился?

— Ну пожалуйста, бабушка!

Вечером на столе источала сладковатый запах отварная фасоль.

— Бабушка, а бекон?

— А это что? — указала бабушка на сало.

Оба блюда Игорю не понравились, но, подавив отвращение к тяжелой, жирной снеди, он подчеркнуто деловито и аппетитно разделался с тем и с другим. Больше с подобными заказами Игорь к бабушке не обращался.

Каждым летом — как правило, к закату солнца — в деревне появлялись цыгане. Несколько кибиток таборились рядом с поселком — и размеренная проза деревенской жизни вдруг обретала новые ритмы, сюжеты и краски. Цыганки, подметая цветастыми юбками пыльные обочины дорог, завлекали деревенских женщин обещанием безошибочного гадания, и те, наскоро набросив на дверь щеколду, набрав в лукошко яиц и спрятав в глубокие карманы сбереженные для этого случая медяки, мчались узнать свою судьбу. Мужики степенно справлялись, нельзя ли подковать лошадь. Бытовало мнение, что цыгане — большие специалисты этого дела. Селяне внимательно рассматривали ковочные гвозди-ухнали, обсуждали, как лучше ковать — «на горячую» или «на холодную», интересовались лечебными прокладками на травмированные копыта...

Табор снимался с места рано утром и исчезал так же неожиданно, как и появлялся. Ромненские пацаны, едва позавтракав, привычно бежали на встречу со своими новыми знакомыми — цыганятами, но заставляли лишь потухшие костры. С сожалением и смутной надеждой мальчишки еще долго посматривали на дорогу, змейкой ускользавшую из поселка. Там, где она пропадала, в голубом мареве раннего утра начинали вырисовываться неясные очертания гор. А что скрывается за этими таинственными горами? Цыганята уже знали, а деревенская ребятня находилась в полном неведении.

Открывая для себя мир, малыши часто ставят родителей на грань нервных потрясений. Как-то Нина Александровна, задумав посетить близких родственников в Москве, взяла с собой в дорогу сына, которому еще и трех лет не было. А быть в Белокаменной с малым дитем и не навеститься в «Детский мир» не позволит себе ни одна мама. Пока она рассматривала детскую одежку, прикидывая свои финансовые возможности, Игорек, освободив ручонку от теплой маминой ладони, сделал шаг, потом другой, третий... Нина Александровна вдруг поняла, что сына рядом нет. Встревоженно осмотрела торговый зал, раздвинула, растормошила жиденькую очередь покупателей — бесполезно! Что-то противно кувыркнулось в груди, ноги ослабели. Она кинулась в соседний отдел, затем в другой — нет сына! Взбежала по лестнице вверх, потом снова устремилась вниз, и вдруг глядь — он шагает самостоятельно по ступенькам. Не помня себя, мать схватила Игорька за воротник

пальтишка и только собралась примерно отшлепать, как вдруг услышала: «Мамаша, не наказывайте ребенка. Он будет у вас великим человеком!» В голосе звучали требовательные и в то же время успокаивающие нотки. Одной рукой удерживая сына, а другой пытаюсь поправить выбившуюся из-под полушалка прядь волос, она медленно подняла голову. Первое, что увидела, — огромные, давно забывшие про гуталин ботинки, затем длиннущее поношенное пальто и наконец глаза мужчины — большие, черные, устремленные на нее. Стушевавшись и несколько встревожившись, она оставила затею с покупками и повела Игоря к выходу.

Уже дома, в Ромнах, Нина Александровна иногда, посмеиваясь, обращалась к сыну: «Ну что, великий человек, тебе кашу с маслом или с молоком?»

Если бы один такой эпизод — а сколько их было затем в жизни! Потерялся Игорек и в Хабаровске, куда в 1947 году приехал с матерью, Ниной Александровной. Маме предстояло сделать хирургическую операцию, первую из череды последующих, а всего их было четыре. Жить устроились у знакомых. После войны в этом городе было много пленных японцев, работавших в основном на строительных объектах. Игорь быстро сошелся с местными мальчишками, и они показали ему потайной ход на территорию, где военнопленные возводили кирпичный дом. Любовь азиатов к детям общеизвестна. Японцы радовались таким визитам. Игорю понравился один из военнопленных, с ласково улыбающимися влажными глазами, у которого для детворы всегда были припасены леденцы либо галеты. В очередной раз посасывая конфету на руках у нового знакомого, малыш задремал. Японец же замер и, боясь разбудить мальчонку, не шевелился. Вдруг появляется разъяренная русская женщина, выхватывает у него из рук ребенка и что-то говорит, говорит — громко и возбужденно. Так и не понял японец, чем он провинился, и еще долго в недоумении смотрел вслед матери, уводящей сынишку.

Уже значительно позже мама призналась сыну, что ей почудилось, будто японец отравил ее убежавшее без спросу из дому дитя.

Видимо, матушка-природа изначально заложила в Игоря вкус к путешествиям. Впоследствии спорт и журналистская стезя утолят его жажду перемещений по стране на всех видах транспорта, откроют все регионы Союза, подарят множество незабываемых встреч и знакомств.

А пока парнишка рос себе в удовольствие, без проблем осваивал школьные премудрости. Первое большое перемещение состоялось в 1948 году, когда Игорь с матерью год жил в Ульяновске. Затем в 1952 году семья сменила Ромны на Хабаровск, где отец два года учился в высшей партийной школе. После ее окончания в 1955 году отца направили на партийную работу в Тамбовку. Там-то Игорь стал пробовать писать что-то свое и не на шутку увлекся легкой атлетикой. Ну а спорт на селе, да еще в 50-е годы, — это было занятие только для натур увлеченных и самостоятельных. Игорь где-то раздобыл

подшивку журнала «Легкая атлетика» и начал изучать кинограммы ведущих спортсменов, пытаясь в застывших кадрах уловить динамику движения.

Одноклассник его Толя Дробязкин отличался авторитаризмом, но ему все прощалось — он учился лишь в девятом классе, когда «Амурская правда» опубликовала его стихи. Как-то Толя пришел в класс и жестом, не лишенным театральности, выложил на парту газету, заставив кого-то из ребят читать вслух. Это были стихотворения Леонида Завальнюка. Дробязкин их комментировал.

На чердаке Толиного дома, в куче ненужных бытовых вещей, ребята нечаянно отыскали несколько книжек Сергея Есенина, сочинения которого в то время не входили в школьную программу. Стихи дотоле неизвестного ученикам поэта стали для них откровением.

В эти годы Игорь и начертал себе программу на ближайшее время: «Буду поэтом и прыгуном». Причем сначала с мальчишеской непосредственностью вырезал эти слова перочинным ножом на стволе тополя, а чуть позже изложил свое намерение в стихотворной форме.

Он стал и тем, и другим. С тем лишь уточнением, что карьеру прыгуна из-за травм завершил преждевременно, не реализовав своего потенциала, а в поэзии только-только приоткрыл несколько страниц непронумерованной книги жизни.

Молодой рослый студент педагогического института выбрал для себя в спорте амплуа десятиборца. В секторе для толкания ядра он явно не смотрелся, но на беговой дорожке его уверенный, накатистый шаг вызывал одобрительный гул на трибунах: «Смотри, как лихо машет!» Самых впечатляющих результатов он мог добиться в барьерном беге и в прыжковых дисциплинах, на чем специалисты и советовали ему сосредоточиться. Но он не был бы самим собой, если бы в спорте согласился на упрощенный вариант. По-прежнему внимательно изучал кинограммы ведущих спортсменов, осваивал теорию и методику тренировочного процесса. Взрослея и приобретая опыт, вносил в технику движений что-то свое, не оставляя без внимания технические новшества. Спортивный мир лишь из информационных сообщений узнает, что американец Ричард Фосбюри изобрел новый способ прыжка в высоту, а Игорь на стадионе на небольшой высоте уже его демонстрирует.

Набирая мышечную массу, приобретая статус настоящего атлета, он занимает лидирующие позиции в десятиборье не только в области, но и на Дальнем Востоке. После соревнований молодые ребята нередко окружали его, просили объяснить суть того или иного элемента. Он всегда высказывался так, как думал. Открытость его поступков и независимость суждений часто вызывали у окружающих недоумение и плохо скрываемое раздражение. Тренеров других команд эти сеансы ликбеза попросту злили, и они выговаривали своим ученикам: «Ну что ты хочешь узнать у этого слона? Да он берет

за счет физподготовки, а с техникой сам не в ладах. В конце концов, у кого ты тренируешься — у меня или у него?» Недолгоблывали некоторые воспитатели Игоря. По-моему, напрасно. В вопросах методики тренировочного процесса и техники выполнения сложных элементов он уже в 60-х годах аргументированно отстаивал прогрессивные позиции.

На соревнованиях достаточно высокого уровня интрига начинается с представления спортсменов зрителям. Вот участники стоят перед трибунами — кто внешне спокоен и даже безучастен, кто пританцовывает от возбуждения. Они уже успели размяться перед очередным стартом: одни — уверенно и подчеркнуто вызывающе на виду у соперников, другие — в одиночку на дальних аллеях парка. Поведенческие манеры рассчитаны в основном на публику, да еще на слабонервных соперников. Участники многотрудного действия — десятиборья — точно знают лучшие результаты соперников в каждом виде и стремятся поменьше проиграть сильнейшему в конкретной дисциплине да побольше отыграть у более слабого. И так во всех десяти стартах. Кто-то называл десятиборцев рыцарями легкой атлетики. Какие там рыцари! Пахари на легкоатлетической ниве, чернорабочие!

Игорь был элегантным чернорабочим. Его спортивная одежда всегда была безукоризненно чиста и отглажена. В общении с соперниками был сдержан, корректен, к месту и в меру участлив. Иногда казалось, что в спортивном секторе для него главное — не секунды и метры, а демонстрация гармонии атлетизма и красоты физического упражнения. Хотя, конечно, Игорь был по-настоящему честолюбивым спортсменом, всегда заряженным на максимальный результат.

Настоящее десятиборье начинается на второй день. Вчера атлеты выплеснулись на спринтерских дистанциях и в прыжковых дисциплинах, а сегодня предстоит отработать технически более сложные виды — и именно те, где можно получить незапланированную «баранку». И первый старт — это бег на 110 метров с барьерами. Удачно набежав на первый барьер и технично «сойдя» с него, спортсмен преодолевает второй, третий... Вот уже приятно обжигает грудь упругая финишная ленточка, но расслабляться нельзя: надо готовиться к выходу в сектор для метания диска.

Ладно, в этом виде не должно быть особых проблем. А вот в следующем, в прыжках с шестом, где для десятиборца решается многое, Игорь частенько недобирает нужных очков.

В то время на смену неудобным деревянным и дюралевым шестам пришли более совершенные фиберглассовые, значительно повышающие возможности прыгуна. Но были нюансы в подборе шеста, и зависели они в первую очередь от веса спортсмена.

На чемпионат Дальнего Востока во Владивостоке Игорь приехал безусловным лидером среди десятиборцев. Особые надежды он возлагал на

новый шест-катапульти, с которым на тренировках вполне освоился. Его, правда, несколько смущало, что этот снаряд был рассчитан на спортсменов с меньшим весом и мог не выдержать нагрузки, но он отмахивался от таких опасений и жил предвкушением предстоящих жарких баталлий.

Разбег... Упор... Вис... Причудливо изогнутый шест вознес Игоря на четырехметровую высоту. Хрясь! Звук переломившейся фибры резким щелчком срикошетил по спортивной арене. Над замершим стадионом пронесся стон, в котором были сожаление, удивление, страх за спортсмена. Лариса, жена, в ужасе молча закрыла лицо ладонями и замерла в ожидании неизбежной трагедии. А крупное тренированное тело атлета, еще миг назад стремившееся к покорению высоты, неумолимо и беспомощно падало на острые концы переломившегося шеста. В последний момент он сумел уйти от почти неминуемой тяжелейшей травмы и рухнул спиной на поролоновую подстилку, заполнявшую короб для приземления, рядом с изломанным снарядом.

Оставалось отработать два вида. Приободрились соперники: лидер получил травму и стал вполне уязвимым и не таким уж недосыгаемым. В секторе для метания копья Игорь сумел сделать лишь одну попытку вместо трех положенных — но в этот бросок он вложил все! Боль в травмированной спине и непослушной руке высекла из глаз радужные искры, яркие краски дневного света на некоторое время померкли, а фигурки зрителей на трибунах стадиона вдруг потеряли свои очертания. Описав в воздухе неправильную полудугу, серебристо-белый снаряд вонзился в зеленый газон футбольного поля далеко за его серединой.

На заключительный старт десятиборья — бег на 1500 метров — он вышел как на последний бой. Сухой ветер обжигал бронхи. Сплевывая вязкую белесую мокроту, припадая на правую ногу, он даже не смахивал пот с лица руками, чтобы ненароком не сбиться с шага. И добежал. Победа!

Учась на истфиле, Игорь иногда настолько осязаемо перевоплощался в студента физкультурного факультета, что даже раздумывал: а не сменить ли специальность? Эти колебания стоили ему немало нервов, да и однокашники не хотели терять товарища. В конце концов, уже к третьему курсу, он определился и остался на историко-филологическом. Дружок Коля Недельский этому немало поспособствовал.

Николай был на удивление всесторонне развит. Иногда казалось, что в жизни он равнодушно проходит мимо самых интересных предложений. Легко поступил в мединститут и так же легко ушел из него после первого курса. Тренеры таких полярных видов спорта, как гимнастика и легкая атлетика, настойчиво, но безрезультатно приглашали его в свои секции. Поступив на истфил, он оказался в общежитии в одной комнате с Игорем. Только что из коридора слышалось правильно и красиво исполняемое: «Налейте, налейте

бокалы полней...» — и вот Недельский уже заходит в комнату вместе с девочками, тут же спокойно, без всяких усилий, выполняет на спинке стула стойку на кистях и под самым потолком аплодирует себе ступнями ног.

Впоследствии Николай увлекся философией, общественными науками, защитил кандидатскую диссертацию, а в то студенческое время их с Игорем связывала гармония рифмы, поэзия, притягательная и неисчерпаемая. В институтской многотиражке «За педагогические кадры» их стихотворения нередко публиковались рядом. Игорю казалось, что у Недельского и слог легче, и рифму он находит более удачную. Николай всегда знал о чем писать и, видя, что друг его мучается над чистым листком бумаги, советовал: «Дружище, пиши сюжетные стихи».

Игорь в то время публиковался редко. Понимал, что зелен еще, что поэзия — это не только аккуратно уложенные кирпичики четверостиший. Учеба, одновременная работа в институтской газете ответственным секретарем, спорт не оставляли свободного времени.

Как ни странно, времени на спорт появилось больше, когда после института Игорь был призван на действительную службу рядовым в войска ПВО. Армейские чины знали, что новобранец уже бывал призером зональных соревнований по легкой атлетике, и проверили силы Игнатенко в военном троеборье. Игорь выигрывает первенство армии, а на чемпионате Дальневосточного военного округа становится первым в барьерном беге на 110 метров с барьерами, устанавливает рекорд Хабаровского края. Спортсмены такого уровня на военной службе находятся на достаточно привилегированном положении: тренируются по собственным планам, располагают свободным временем.

Появилась возможность заняться творческой работой. И возникло острое желание публиковаться. Печатался в дивизионной газете, щедро раздаривал посвящения и стихотворные автографы, за что удостоился лестного сравнения с Тарасом Шевченко, и много читал. Именно тогда стал понимать, что для создания искомого, запоминающегося образа нужно использовать минимум выразительных средств.

Славное было время! Тесноватая воинская форма сковывала недюжинную силушку, ей нужен был простор, и тогда эластичные, взрывные мышцы уверенно несли мощное тело атлета по гаревой дорожке стадиона, а в секторах для прыжков и метаний удавалось уверенно выполнять самые сложные элементы.

Друзья и знакомые признавали его поэтические способности — и это приятно щекотало самолюбие, слегка пьянило. Но, к счастью, Игнатенко от природы наделен способностью к самокритике, умением трезво оценивать свои достижения. Понимая, что сиюминутное — отнюдь не вечное, он никогда подолгу не топтался на одном месте, не выжимал максимума из благоприятных ситуаций. Напряженные будни не приглушили остроты романтического восприятия мира. Как мальчишка, мечтавший когда-то в Ромнах заглянуть за дальние отроги за-

тянутых маревом гор, Игорь пытался представить свое поэтическое будущее, однако картина, как и тогда, в детстве, была туманной и неясной.

Но постепенно поэтическая доминанта в его сознании начинает преобладать над спортивной, определив жизненную линию на долгие годы.

В свое время Сергей Есенин, будучи уже поэтом довольно известным и читаемым, попал в полосу творческого застоя и ощутил дефицит доверительного общения с признанными литераторами. Сам он не видел выхода из тупиковой ситуации и, смилив гордыню, решил посоветоваться с Александром Блоком.

Игорю идти было не к кому, оставались лишь книги. В творчестве русских поэтов он находил ответы на вечные вопросы бытия и погружался в мир волшебных ритмов. Неповторимая яркость или, напротив, лаконичная простота образов, созданных классиками, завораживали, гулкие метафоры долго не давали уснуть. Он воочию представлял, как творил свои стихи астматичный романтик Эдуард Багрицкий. Расцвеченные образы его героев искристо переливались, ослепляли, а слова просились на музыку:

Береты моряков обшиты галунами,
На пурпурных плащах в застежке — бирюза.
У бледных девушек зеленые глаза
И белый ряд зубов за красными губами.

Красиво! Но... что-то не то...

Довольно долго он навязчиво ощущал на себе избыточную притягательность Владимира Луговского, в чьих стихах тонкий лиризм уживался с мощью перводанного мужского начала:

Все дома лежат в туманной яме,
Брешет пес, бездомный и ничей,
Ветер дышит черными ноздрями,
По ущелью прыгает ручей.

И у него же:

Я жить хочу! И глыба сил моих
Не хочет распадаться...

Очень хотелось тоже сотворить что-нибудь этакое — под Луговского, например... Позже Игорь признавал, что в молодости предпринимал попытки позаимствовать образы и приемы у других поэтов, но, к счастью, быстро понял, что существует предел в увлечении чужим творчеством. Если от этого

желания вовремя не откреститься, можно навсегда остаться подражателем. Не мог он пойти по проторенному пути — не заложено в нем это качество от рождения. Стал чаще публиковаться в периодике, мечтал о выпуске собственной книжки, но пробиться в планы официальных издательств было очень сложно. Собственно говоря, он к этому и усилий особых не прилагал. Я думаю, что причиной тому была повышенная требовательность к себе как к начинающему поэту.

После службы в армии Игнатенко вернулся в Благовещенск, стал подыскивать работу. В ту пору заместителем председателя областного комитета по телевидению и радиовещанию был Юрий Залысин. Фронтовик, человек с убеждениями, довольно смелый в принятии решений, он на свой страх и риск пытался привнести в политизированный и перегруженный абстрактной декларативностью вещательный орган что-нибудь свежее. Возникла идея создания молодежной редакции. Когда на пороге его кабинета появился высокий парень в солдатской форме и кратко рассказал о себе, опытный «радийщик» уловил — это то, что надо. За плечами у посетителя не просто истфил, но уже и школа жизни. А главное, на что обратил внимание Юрий Петрович, — свободные модуляции профессионально-декламативного, с явными дикторскими задатками, голоса.

Едва влившись в коллектив, Игорь получает задания на ведение репортажей с праздничных демонстраций, шествий, футбольных матчей. Но главным, конечно, была живая работа в молодежной редакции, рассчитанная на заинтересованную аудиторию. На радио поступало много писем от слушателей, даже от берегов Новой Зеландии пришла заявка от базирующихся там наших моряков — они благодарили журналистов за интересные передачи и просили поздравить с днем рождения своего товарища. Это был стимул для творчества.

Правда, сковывали жесткие идеологические рамки, но и их научились умело расширять. Стилем работы коллектива был постоянный поиск. Необходимая информация добывалась непросто: должен быть круг людей, который ее поставит, затем сведения нужно проверить, оживить, втиснуть в прокрустово ложе ограниченного программой времени. Зато какое удовлетворение от работы: в первой половине дня информацию получил, а уже вечером она в эфире!

Как-то пожаловал в область председатель Совета Министров РСФСР Дмитрий Полянский. Не успел выйти из самолета — а ребята из «молодежки» тут как тут: у трапа берут интервью... В тот же день Залысина приглашают в обком КПСС: «Кто позволил? Почему не по протоколу? Не положено!» Наказали его крепко за эту самодеятельность. А он ребят даже журить не стал, лишь попросил впредь быть поаккуратнее.

Интенсивная работа на радио не оставляла времени для поэзии. Это он особенно понял на областном совещании молодых литераторов в 1975 году,

где присутствовали гости из Москвы, Хабаровска, а поэтический семинар вел известный дальневосточный поэт Михаил Асламов. Игорь собрал все свои рукописи, надеясь на доброжелательную рецензию, но получил солидную порцию критики. К счастью, он воспринял ее, как ни болезненна она была, вполне достойно и понимающе.

Понял и другое: работая на радио, где ненормированный рабочий день и экстренные, нередко стрессовые задания, он себя в поэзии не реализует. Старый товарищ Коля Недельский посоветовал подыскать менее суетную работу, — например, в многотиражке. И сегодня он благодарен другу за дельный совет, а судьбе — за знакомство и сотрудничество с ректором сельхозинститута Борисом Ивановичем Кашпурой. Двенадцать лет отработал Игорь в БСХИ, редактируя институтскую газету, постоянно ощущая заинтересованность и заботу ректора. Борис Иванович не обходил вниманием и других амурских писателей, иногда помогая — кому деньгами, кому ценными и нужными подарками. Именно в тот период Игорь издал три книги своих стихотворений и отдельной книгой повесть «Бег по кругу». Сегодня счет его поэтическим сборникам перевалил за десяток. Все больше внимания он уделяет прозе.

Игнатенко — человек публичный и достаточно известный. Все, что накоплено за годы жизни, — победы и озарения, ошибки и заблуждения, боль утрат и приобретения, все, что выстрадано им в ночных бдениях за письменным столом, доверено белому листку бумаги.

Известно, что при оценке одного и того же произведения у разных читателей порой возникают полярные суждения. Тем не менее полагаю: нельзя огульно охаивать или, напротив, приторно лобызать творческую личность, ибо она всегда индивидуальна, своеобразна, открыта, нередко противоречива, ранима и сама обнажается перед читателем. Поэтому попытаюсь дорисовать портрет моего друга, обратившись к его поэзии, хотя, честно сказать, сам удивляюсь своей смелости.

Странно, но спортивная тематика присутствует в его поэзии весьма условно, и, следовательно, лишь повесть «Бег по кругу» можно считать несомненной данью незабываемым стартам. Но не будем торопиться с таким заключением.

Действительно, описания легкоатлетических баталий в стихотворных сборниках нет, а вот для бокса место нашлось. Я сначала удивился, когда наткнулся на стихотворение «На ринге». Игорь — и вдруг бокс? Наивность моя была посрамлена после прочтения последнего четверостишия:

Сфальшивить в боксе — значит проиграть,

Вот так и в жизни: бьют нас и толкают,

Из ритма выпал — и уже нокаут,

И есть кому до десяти считать.

Нет, не забыл Игорь об одном из главных и долгих увлечений своей жизни, однако стал смотреть на спорт не только с позиций чемпиона и рекордсмена, но и с высоты поэтического воображения, используя сюжеты и внутреннюю подоплеку спортивных соревнований для красочных, порой аллегорических оценок жизненных коллизий и ситуаций. С легкой грустью, иногда с назиданием, он пишет посвящения друзьям-соперникам — Валентину Шкапу и Анатолию Енютину, ставшим впоследствии известными тренерами. Да, «жизнь — огромный стадион», и очень важно не только мощно и стремительно взять старт, но и сохранить силы до финиша. И не беда, если, взмывая высоко над планкой, ты ненароком сбиваешь ее. Встань, отряхнись, готовься к следующей попытке. Надо мечтать о новой высоте. И если она не покорится тебе, ее преодолеют твои ученики.

Игорь никогда не любил опережать события. Он не прочь приостановиться, вчитаться в ранее опубликованные им строчки, как в беспристрастный протокол соревнований, посетовать на дефицит фантазии, воображения. А неспешность... Что в этом предосудительного? Это же запрограммированный самой жизнью неторопливый творческий стиль — как «бегущий вразвалочку почерк».

Нашему поколению лихолетья было отмерено сполна. Чего стоили только годы войны и послевоенной разрухи... Нам довелось шагнуть из общества «развитого социализма» в никуда, в безвременье. В то доперестроечное время некоторые из «классиков» литературы стали лауреатами различных премий, превознося сомнительные достоинства нашего государственного устройства и его лидеров. Мне не знаком Игнатенко-поэт, бьющий себя в грудь кулаком: «Я люблю тебя, партия родная», — или что-нибудь в этом роде. Как исключение, пожалуй, можно назвать стихотворение «Шахматный столик», где Игорь в присущей ему спокойной манере попытался проникнуть во внутренний мир Ильича. Впрочем, не совсем убедительно. Но к неисчерпаемой теме Родины он обращается постоянно, деликатно освещая затененные закоулки истории, перелистывая фолианты древности, раздумывая над «Словом о полку Игореве».

Посмотри.

Подумай.

Помолчи.

Белкою по дубу поскачи,

Серым волком спрячься в бурелом,

Воспари под облака орлом —

Растекись по матушке-Руси

И иного счастья не проси.

И далее:

Далеки те годы, далеки!
Полегли хоробрые полки.
Но осталось «Слово...» наизусть,
Но живет и помнит князя Русь.

Метаморфозы, случившиеся с нашей страной, никого не оставили равнодушными. Враз ушедшие в небытие стабильность и социальная защищенность общества, не всегда оправданная и зачастую лукавая переоценка духовного и исторического наследия — вот истинные результаты шоковой терапии. Все мы это пережили и продолжаем переживать. Вконец запутавшиеся вожди, даже лозунгов новых не придумавшие, растерянно разводят руками. Лишь проходимцы всех мастей и рангов сориентировались и оттяпали самые жирные куски от пирога, который раньше принадлежал всему народу, а далее — «все полезли в Думу, в бизнес, на толчок...»

Игорь неохоч до политиканства и партийных игр. Ну не для него эта возня! Тем не менее свою гражданскую позицию поэт не обозначить не мог. Чувствуется, что только природная деликатность и особая осторожность в выборе крепкого словца удерживают его в рамках приличных выражений.

Выпью и без повода —
Под соленый груздь;
Запою протяжную
Песнь про Ермака.
Ох и время подлое!
Русь заела грусть,
Нет на ней отважного
Ивана-дурака.

Признаюсь, что поэму Игоря «Годовые кольца», написанную еще в 80-х годах, я поначалу воспринял довольно сдержанно. Понадобилось время, чтобы вместе с автором и его героями — казачьим атаманом Поярковым, зэком в поношенной телогрейке и другими персонажами — осмыслить «сюжета поэмы неровную нить», последовательно пройтись по вехам нашей истории. Обычно после завершения долгой и многотрудной работы, а работал над ней с перерывами Игорь около пяти лет, человек испытывает удовлетворение. Почему же поэт встревожен, нет ему «ни радости, ни покоя», а «на сердце, как шрамы, сплошные сомненья»? Почему в подзаголовок вынесено старославянское «Камо грядеши» (куда идешь)? На это «куда идешь» и 90-е годы истекшего столетия не дали вразумительного ответа ни всем нам, ни

автору. Движемся куда-то неровным шагом, спотыкаемся, что-то теряем, а единственное приобретение — свобода — для многих жестко ограничено нищенскими условиями существования.

Но такое сумрачное настроение — всего лишь дань кратковременному отчаянию. Надежду и для себя, и для нас поэт оставляет: наши дети и внуки «из пепла тебя возродят, Мать Россия!» Под этими строчками я бы тоже подписался.

В «Предтечах» Игорь воздает должное землепроходцам, стоявшим у истоков освоения дальневосточных территорий, в том числе и Амурской области, — Пояркову, Муравьеву-Амурскому и иже с ними. Великую работу проделали достойные сыны государства Российского, не зря их именами названы населенные пункты, улицы городов и бронзовеют памятники на берегу пограничной реки. Обжита, но недостаточно обустроена земля Амурская, воистину прекрасная и неповторимая! Поэт буквально исследует родной край, нарисованные им пейзажи наполнены тонкой лирикой, а люди, земляки наши, будь то умудренный жизнью старик или девочка, лишь открывающая для себя мир красок и звуков, естественны и понятны.

Олег Маслов, замечательный врач и талантливый поэт, представляя читателям книжку Игнатенко «Пора плодов», писал: «Автор... дарит ее студентам-аграрникам в честь 40-летия вуза с надеждой внести свою долю в воспитание у них чувства любви к родной земле...»

Наша амурская природа в творчестве Игоря узнаваема, совершенна и, как все вечное, неисчерпаема. Как опытный живописец не торопится нанести на холст широкие мазки, так и Игорь, смешивая краски, утончая и доводя до совершенства цветовую гамму, присматриваясь, прислушиваясь к природе, улавливает и прорисовывает образы и сюжеты, используя теплые полутона. Есть желание побывать вместе с художником на пленэре? Нет проблем! Только, пожалуйста, не упустите едва уловимый момент откровения, почувствуйте, когда легкий зефир овеет вас теплом, а солнышко «спелым апельсином» прокатится в облаках и прогреет «в реке — волну, в полях — посев». Всмотритесь в другое полотно: натуральные, живительные соки растений, все лето источавшие аромат, к осени постепенно иссякают, зато на деревьях появляются многокрасочные плоды, и тогда на холст ложится сочная темпера.

Как опытный график, в скудной цветовой гамме он находит конкретные, законченные сюжеты:

Речная пойма в синих лоскутах —
Дробится солнце в старицах, протоках.
Сухие гнезда на сухих кустах
Качают ветры северо-востока.

Или:

...Стылых скверов толпа многорукая

Тонет в небе, вмерзает в нем.

Много ли красок и оттенков у монохромной зимы? Вопрос более чем риторический. Но времена года в поэзии Игоря — это не только краски, это его настроение и восприятие мира. Зимняя природа чиста и празднична. Задумчиво спят обезлюдевшие, бескрайние поля. Холодно. Не гоните, не охайте зиму, даже если она вдруг запуржит, задует долгими метелями. В ее настывшем чреве уже зарождается новая жизнь. На пригорке сквозь талую листву пробьется первый подснежник — и это уже весна, всегда немного загадочная и в то же время многообещающая.

Он часто и подолгу бродит с рюкзаком за плечами, путешествует на моторной лодке и, возвращаясь домой, радуется родному городу, как доброму старому знакомому, чувствуя его каждой клеточкой натруженного тела. Однако нет сомнений, что это просто передышка перед очередным броском к озерам, где «свищут кулики», к туманным распадкам, речным плесам, перелескам, меняющим свой окрас и готовящимся к листопаду.

Спят дюральки у причала,

Снятся лодкам паруса.

Чайка что-то прокричала.

Крупно выпала роса.

Кто из поэтов не писал о чайках, если, конечно, хоть раз их видел? Они стонут, носятся, плачут, взывают... Владимир Луговской эту романтическую тему прорисовал чисто мужскими, дисциплинирующими штрихами:

Чайки в чистой, белоснежной форме

Легким строем мимо пронеслись.

У нашего автора «чайка что-то прокричала...» Что? Наверное, каждый читатель может по-своему домыслить и развить предложенную тему, надо только уловить интонацию стиха и его лирический настрой.

Как человек, много исходивший и повидавший, порой утомляющийся от мирской суеты и тяжелого груза впечатлений, он бредет по знакомой тропе, ведущей к малой родине, с неизбывной надеждой на кратковременный, но исцеляющий отдых. Мысленно или в реальном времени, «ни спортсмен, ни журналист, ни книжник», а просто случайный путник, желающий отогреться, оттаять душой у незамысловатого деревенского очага, понятный

простым незнакомым людям, не отказывающим ему в нехитром сельском гостеприимстве. И вот «поди ж ты — что-то отлегло, на сердце как будто полегчало».

Не знаю, уместно ли сравнение Игоря-спортсмена с Игорем-поэтом. Может быть, грубовато, но факт: в обоих случаях он — многоборец. Сам Игорь признает, что, когда появляются мысль и реальный образ, он не думает о форме и размере стихотворения. Кредо единственное: минимумом изобразительных средств добиться эстетического воплощения образа. Но он уже давно заметил, что стандартные четверостишия утомляют, иногда рифма кажется назойливой. Появляются двустишия, баллада, изложенная строфами, где рифмы словно бы разбегаются друг от друга и становятся едва слышны, устраняя тем самым формальную свою нарочитость. Вот один из примеров его творческого поиска:

Я напишу ей, как тиха река,
Что протекает вдоль пустого парка,
Где листвою вершил свои дела,
Где внятен шорох листьев под ногою,
Где роща, откровенной и нагою,
Разглядывать себя нас позвала,
Маня костром, мерцающим неярко,
И как тепла, доверчива рука...

Думаю, непросто было сплести «венок сонетов», обратившись к столь жесткой, изощренной форме. Но он сложился, не нарушив классических правил рифмы, ритмики и архитектоники. Это был его подарок, хотя и запоздалый, своей матери, Нине Александровне.

Поэтическое это полотно по страничным меркам невелико, но всматриваться и вчитываться в него можно долго. Что это — вполне понятное каждому сожаление и грусть о безвременной утрате самого дорогого и любимого человека? А может быть, исповедь сына, самоотчет перед лицом вечности и материнской памяти о том, что в жизни удалось? Удалось, впрочем, немало, а главное, мама, — у твоего сына сложилась семья. Вот они все перед тобой: самоотверженная, мудрая жена Лариса, рядом «две дочки — два птенца», добрые и работающие. Ах, если б ты могла услышать — как они поют!

Впрочем, помимо венка сонетов, Игнатенко и в других стихах много внимания уделяет матери, родным, близким ему людям. В эту достаточно интимную и деликатную тему я просто не решаюсь погружаться. Тем не менее должен сказать, что любовная лирика в творчестве Игоря не оставляет никакого сомнения в честности автора, в глубине его переживаний.

Подозрителен кричащий
о любви, как на торгах.
Мы с тобой молчим все чаще,
правда чувства — не в словах.
Было время, до упаду
Я твердил: «Моя! Моя!..»
Ты моею стала вправду,
и давно твоим стал я.
А любовь — она как воздух,
где-то там — внутри, в крови.
Было рано — стало поздно
говорить нам о любви.
Наши дети, наши внуки
наши песни пропоют.
Ах — какие это звуки!
Мы молчим — они живут.

Поэт может обнажиться, поделиться сокровенным, провести ревизию своих чувств.

А ты ни в чем не виновата:
ни в том, что ранние закаты
зима в наш город привела,
ни в том, что холодно в квартире,
а заодно и в целом мире,
ни в том, что даль белым-бела.

Лишь я один во всем виновен:
и в том, что осень за спиною,
и в том, что стынешь ты сейчас,
что уплывут вороны к югу,
покинув город, холод, вьюгу,
и не возьмут с собою нас.

В поэтическом арсенале Игоря присутствуют разные по жанру произведения. Но сам он, как я уже упоминал, не без оснований считает себя поэтом малой формы, исповедует ее в своем творчестве, пропагандирует на многочисленных встречах со слушателями, на литературных семинарах.

Стоп! Кажется, я несколько увлекся и начинаю осознавать неотвратимость крушения своих желаний дорисовать портрет Игоря Игнатенко, оценивая его поэзию. Все-таки я врач, а не «книжник». Оправдываю свою смелость лишь

надеждой на понимание читателем моих искренних побудительных мотивов при написании этого очерка.

В самом деле: для кого же творческие люди пишут, сочиняют, создают, возносятся в поднебесье, ломают крылья, изнемогают в трясине бытовых и прочих неурядиц, недопонимания? Да для нас всех, простых смертных, чтобы мы прикоснулись к прекрасному и удивленно, по-новому взглянули бы на булькающий ручей, «бегущий почерневшим долом».

А творчество Игоря, мир звуков и образов его поэзии как раз и заставляют задумываться, удивляться, в чем-то не соглашаться, но в итоге покорно проникнуться вместе с автором почтением к неповторимому родному языку.

Он всюду — в спорте, в журналистике, в обыденной жизни — стремился быть неординарным, непохожим, нестандартным. Когда в печать прошли его первые литературные опыты, ему, по-видимому, захотелось сказать что-то новое, удивить новизной лексики. Но — увы и ах! В кладовых фразеологии отечественной литературы остались лишь микроскопические, незаполненные ниши. «Обокрали меня словари, а деньгу прокрутили», — сокрушается Игорь.

Ощущая свою глубокую причастность к родной речи, он использует архаизмы, слова церковно-славянского происхождения, где-то даже теряет осторожность и бредет по хрупким заберегам повторяющихся стилистических и лексических приемов: «ничтожный миг земной юдоли не променяй на злую волю», «юдоль земная, брызги светом в вежды». Мягко переливаются из одного стихотворения в другое «окоем», «стезя», «листочкой». Такая привязанность особенно характерна для раннего Игнатенко. Но ведь мы порой не замечаем, как в одной и той же книжке неоднократно могут повториться «шепот губ», «темная ночь», «любовь», «метель» и т. д. А архаизмы заметны. Необычно? Но ведь порой это, согласитесь, и впечатляет, и обогащает, и запоминается!

По его собственному признанию, им написано более полутора тысяч стихотворений. Опубликовано менее трети из них. Остальные нуждаются в доводке, правке, некоторые вообще не попадут в печать.

Такая взыскательность к своему творчеству похвальна, хотя при желании и в опубликованных материалах можно найти повод для обоснованного брюзжания. Создав интересный образ, Игорь нехотя и не сразу с ним расстанется: «Корабль готов... Повеяло! Прощайте. Уплываю», а в другом стихотворении — «Парус поднят. Канаты обрублены. Все — уплываю». Или: «Горчинка цветенья — вкус млечного сока», и — «О, как горчат живительные соки!» Мне показалось, что в «Балладе о спичках» он неосторожно, вольно или невольно, пошел на опасное сближение с Есениным.

Иногда недоуменные вопросы разрешает сам автор. В миниатюре «Мысли и камни», дважды опубликованной, заменено одно слово: «детские» на «давние». Ссылаясь на шахматную терминологию, поэт поясняет, что при разборах партий часто используется формула: «Этот ход более эластичный».

Так же и состояние души, меняющееся настроение, возрастная переоценка событий и явлений иногда настойчиво требуют иных выразительных средств для описания природы и обновленного мироощущения. Тут уж Игорь категоричен и непоколебим в своем убеждении: нельзя же поэзию приносить в жертву буквалистике!

В России всегда было непросто пробиться, опубликоваться, но то, что сейчас происходит, порой повергает в уныние. В открытые шлюзы свободной печати с подачи Эдички Лимонова и ему подобных хлынул мутный поток бумаготворческого эпатажа. Мало не принимать близко к сердцу эти дурно пахнущие нечистоты, надо ставить на место сексуально озабоченных писак. Игорь не снисходит до полемики с ними, а вколачивает гвоздь в крышку ящика, в который укладывает подобные писания: «Ты не поэт, а мученик либидо, бумажный, непотребный рукосуй».

Поэтическая стезя Игоря привела его к очередному, логически оправданному этапу. Сейчас он возглавляет областную писательскую организацию. Он радуется, что в наше непростое время открыл для себя и других читателей молодого, своеобразного Евгения Кольцова и помог получить ему высшее филологическое образование.

Совсем недавно в селе нашел и представил общественности одиннадцатилетнюю Женю Бутову, помог издать ее первую книгу стихов. Не востребованные ранее задатки тренера и учителя оформляются сейчас в нем в нечто большее, сулящее открыть новые поэтические дарования, дать полноценный прирост областной писательской организации.

У Игоря никогда не было гладких дорог. До сих пор ему удавалось обходить рытвины и ухабы, преодолевать барьеры, медленно, но верно продолжать восхождение по крутым отрогам бытия. Чего это стоило, знает лишь он, семья да самые близкие друзья.

Многое из пережитого воплотилось в творчестве, заставило провести ревизию собственного духа. В своей поэзии он глубоко лиричен, мягок, неподдельно деликатен и в то же время вдумчив и строг.

Многоборец в спорте и в жизни, Игорь Игнатенко ни разу не дал повода усомниться в своих бойцовских качествах.

*Николай Георгиевский,
доцент АГМА, заслуженный врач России*

2002 г.

Опубликовано в книге «Эзон», Благовещенск, 2005 г.
и альманахе «Амур» № 4, 2005 г.

ПРИВЕТ, ИГОРЬ!

Говорят, чтобы узнать человека, надо с ним, по крайней мере, пуд соли съесть. С моим другом Игорем Игнатенко я, наверное, гораздо больше этого ценного продукта употребил за те 40 с лишним лет, что нас связывают. Узнал его до конца, до самого донышка? Черта с два! Он всегда, даже в нашем необузданном студенчестве, казался человеком благоразумным и обстоятельным, но в то же время этот самый «благоразумный и обстоятельный» мог такой неожиданный «финт» закрутить...

К примеру, как-то поехал на школьную практику в свой родной Тамбовский район, а через месяц-полтора звонит: «Приезжай на свадьбу. Женюсь!» И ведь действительно женился! Сегодня у них с Ларисой Александровной, той самой математичкой, что очаровала практиканта-очкарика, уже куча внуков растет.

«Не за себя старались»

Или взять начало 70-х годов, когда Игорь у нас в «Амурке» спортивным репортером работал. Удивляетесь? Так ведь будущий поэт, нынешний глава Амурской писательской организации Игорь Данилович Игнатенко еще в студенчестве был чемпионом Дальнего Востока в легкоатлетическом десятиборье, значок «Кандидат в мастера спорта» носил! Так вот, подбил сотоварища — меня, тогдашнего председателя профкома «Амурской правды», на участие редакционной команды в легкоатлетической спартакиаде обкома профсоюза работников культуры. В те годы массовый спорт еще в почете был, и каждый профсоюзный обком свою спартакиаду проводил. Согласие дать легко, а вот команду собрать... В «Амурке» в то время молодежи маловато было, все больше почтенные уже журналисты работали.

Игорь успокоил меня:

— Я сам больше половины видов «закрою», ты тряхнешь стариной... А там, где своих не будет хватать, друзей приглашу... Рабкоров...

—Игорь действительно в основном «амбразуру» собой закрыл. Он и прыгал, и бегал, и метал все что можно, причем занимал во всех видах первые места. Потому мы неожиданно вышли в лидеры, потеснив команду обкома комсомола, признанного фаворита подобных спартакиад. Как могли, помогали Игнатенко я, еще три-четыре полумолодых сослуживца и... двое курсантов из танкового училища. Оба парня были легкоатлетами-перворазрядниками, но Игорь одел их в какие-то мешковатые широченные шаровары — чтобы не выделялись своими спортивными фигурами.

Последним видом спартакиадной программы был бег на пять километров. Измочаленный Игорь просто физически не мог бежать, я за собой ни-

когда стайерских способностей не усматривал и решительно воспротивился попыткам отправить меня в пятикилометровый забег: «Умру, но не добегу до финиша!» На старт пошел невозмутимый курсант-танкист в своих широченных шароварах. Игорь его напутствовал:

— На финише будь вторым или даже третьим, чтобы в глаза не бросаться...

Круг второй, третий... Наши «шаровары» бегут вторыми, вслед за долговязым парнем из Райчихинска. От остальной группы оба оторвались прилично.

— Что он делает! Я же ему установку дал, — вдруг заволновался Игорь.

А в это время «шаровары» обошли «долговязого» и под рев трибун финишировали первыми.

— Ты зачем выиграл? — напустился Игорь на курсанта.

— А райчихинец мне сам предложил, сказал, что он подставной и ему нельзя «светиться». Не буду же я объяснять, кто я такой, — оправдывались «шаровары».

На следующий день принесли мы в редакцию кубок за командную победу, естественно, рассказали, как прошла спартакиада. Старички наши поохотали над историей о забеге стайеров, а один из них (не буду фамилию называть, человека этого уже нет), отхохотавшись, решил принципиальность проявить — предложил рассмотреть на партсобрании персональные дела двух молодых коммунистов — Филоненко и Игнатенко. За обман общественности, несовместимый с журналистской этикой. Ни больше ни меньше! Хорошо, что на то собрание пришел кто-то из секретарей обкома и, посмеявшись от души, спустил наши персональные дела на тормозах, посоветовав «заявителю» то ли в шутку, то ли всерьез: «Надо было самому участие в спартакиаде принять, тогда бы и не пришлось ребятам замену искать, они ведь не за себя, а за весь коллектив старались...»

«На стадионе найдешь»

А вот еще одна, на мой взгляд, любопытная история, дополнительный штришок к характеру моего «обстоятельного и благоразумного» друга.

После «Амурской правды» Игорь вернулся туда, где и начинал свою журналистскую карьеру, — в областной телерадиокомитет. Как-то отправили его на учебу в столичное Останкино. То ли на месяц, то ли на два. А здесь как раз у меня командировка в Москву выпала. Узнала об этом Лариса, жена Игнатенко, просит:

— Саша, отвези Игорю его старые туфли...

— ???

— Он поехал в новых и все ноги стер. Вчера звонил, жаловался.

— Лариса, но я же не знаю, где Останкино в Москве находится...

— А где «Лужники», знаешь?

— Конечно.

— Вот на стадионе и найдешь его. В Москве сейчас чемпионат страны по легкой атлетике проходит...

Лечу в Первопрестольную. Устраиваюсь в гостиницу и — на стадион.

Вход свободный. Легкая атлетика — это вам не футбол: трибуны «Лужников» почти пустые. По радио как раз объявляют состав забега на 400 метров с барьерами, слышу знакомую фамилию: «Леонид Коропниченко, Амурская область...» Ну, тогда Игорь точно здесь, где-то рядом! Оглядываю чашугромадину стадиона — вроде вон его долговязая фигура. Подхожу, молча подсаживаюсь: «Туфли вот тебе привез». «Какие еще туфли, смотри, как Лешка бежит!» Ни спасибо, ни здравствуй. Он весь там, в забеге! Это потом уже: «Откуда ты взялся? Как нашел меня?»

Стопроцентно была права жена экс-десятиборца — не усидит радиожурналист Игнатенко на лекциях, когда рядом чемпионат страны по легкой атлетике идет...

Кстати, что касается легкой атлетики, то я не встречал еще человека, который обладал бы такими, как у Игоря, феноменальными способностями запоминать имена рекорсменов, их метры, минуты, секунды... Разбуди его посреди ночи и спроси: «Кто на сегодня лучший в мире или в стране в марафоне или, скажем, в тройном прыжке?» — и он без запинки назовет и замысловатую фамилию, и результат, и время установления рекорда... Не на шутку зацепила его в молодости «королева спорта»! Хотя не только победами она радовала моего друга, но, увы, травмами тоже.

Помню его и в бинты упакованного, и загипсованного. У него три или четыре раза на соревнованиях шест ломался. Парень-то рослый был, на пушинку никак не походил, а где в нашей глухомани можно было тогда приличный шест найти?! Вот и приходилось черт те с чем (вплоть до дедовского бамбука) в сектор выходить, ведь прыжки с шестом — обязательный вид в десятиборье. Наверное, поэтому он первый на Дальнем Востоке взял в руки фиберглассовый шест, раздобыв его с невероятным трудом у кого-то из побывавших за рубежом столичных прыгунов. С новинкой он запросто стал чемпионом Дальнего Востока в десятиборье.

Его «Стезя»

Что это я все о спорте да о спорте... А впрочем, почему бы и нет? Спорт, если хотите, характер формирует: или ты боец, или...

В телерадиокомитет Игорь пришел в 1965-м, отслужив положенный после института год в войсках ПВО. Почему именно на радио? Дорожка была проторенная — там уже работали выпускники с нашего истфила. Начинал уверенно, готовил и вел молодежные, спортивные передачи.

Мне всегда нравились и его доскональный подход к теме, и умение подать ее. Он терпеть не мог мнимо-многозначительного многословия, которым так страдают сегодняшние радиожурналисты — «шлеп большой, а тяги мало». А еще всегда чувствовалось, что он любит и ценит родной русский язык — выверенность фраз, отсутствие всякой вычурности. Даже когда стала входить в моду нынешняя «скорострельность», стремление сказать чуть ли не целую страницу текста на одном выдохе, Игорь оставался самим собой — его бархатистый баритон звучал все так же неторопливо, обстоятельно, без всякой «каши» во рту.

Не все было гладко и ладно в его журналистской судьбе. Впрочем, редко кто из нас, пишущих, может похвастать благополучием и карьерой. Где-то сам бываешь виноват, где-то с начальством характерами не сойдешься, но это, согласитесь, лучше, чем не иметь характера вовсе. Несколько раз Игнатенко уходил из комитета, чтобы... вернуться назад.

Последнее возвращение Игоря на радио я бы назвал триумфальным. Потому что уже зрелым мастером он сотворил то, к чему шел долгие годы, — в эфире зазвучала его «Стезя». К нему в студию приходили рабочие и писатели, музыканты и крестьяне... Приходили люди, близкие автору по духу, и говорили о себе, о времени, делились мыслями, чаяниями. Шел очень важный и заинтересованный разговор о человеке и его предназначении в этой жизни, о его стезе...

Мне особо запомнилась «Стезя» с Николаем Лошмановым. Она, как потом оказалось, была записана незадолго до кончины этого славного амурского композитора, безвременно ушедшего от нас. Сколько было в ней боли, планов и надежд!..

Впрочем, и для Игоря Даниловича «Стезя» с нашим общим другом Николаем Алексеевичем Лошмановым стала одной из последних радиопередач в его журналистской карьере... То ли «Стезя» чем-то кому-то не показалась, то ли Игнатенко опять конфликтовал со своим начальством, но пришлось ему вновь прощаться с телерадиокомитетом и переключаться теперь уже, как говорится, на постоянной основе на дела писательские.

Кто от этого выиграл, кто проиграл? Не знаю. Знаю одно: чего-то даже близкого по своей публицистичности «Стезе» на Амурском радио пока нет и, как мне кажется, в ближайшее время не предвидится. А жаль!

«Любите, знайте, помните...»

Нас было трое в одной... Нет, не в лодке, а в комнате студенческой «общаги». Три года мы прожили бок о бок, объединяясь в моменты катастрофического безденежья (а при деньгах мы бывали очень редко) в единую «коммуну», готовя на «подпольной» электроплитке общий обедо-ужин на троих. Когда кашеварил Игорь, то «коммуна», как правило, довольствова-

лась перловой кашей («богатырской», как звал ее сам повар). Он был самым младшим и, естественно, самым несмышленным в нашей «семье» — в 16 лет в институт поступил. Это потом, уже к курсу второму, у него появилась наша сноровка и он мог занять у состоятельных соседок по этажу и пяток картофелин (без отдачи!), и даже луковицу. А к третьему курсу мог спокойно добыть и кусочек сала... Жизнь студента всему научит!

Двое из нас уже тогда писали стихи, а третий (это я!) по их просьбе пытался определить, кто из поэтов талантливей. Положение мое было архи-сложное: похвалить одного — значило обидеть другого. Рассудило их время — Игорь стал профессиональным литератором, а Николай Недельский, ныне профессор АмГУ, пишет и публикует время от времени... рецензии на новые поэтические сборники Игнатенко.

Однако на дверях нашей комнаты мы как-то повесили поэтический экспромт именно Недельского, а не Игнатенко:

Любите, знайте, помните
Живущих в этой комнате!
Вот Игнатенко, парень сельский:
«Читатели, физкульт-привет!»
Здесь проживает пан Недельский —
Стиляга, ..., поэт!

На месте многоточия, конечно же, стояло слово, которое я не рискну напомнить сегодняшнему профессору, иначе авторитет его может пострадать. Не буду цитировать и строки, которые Николай Николаевич посвятил моей скромной персоне. Зачем, юбиляр-то ведь не я? Экспромт заканчивался так:

Друзья, покорно просим к нам!
Мы любим симпатичных дам!

Это поэтическое послание вызвало тогда фурор на этаже и... исчезло в тот же вечер. Через много лет после нашего выпуска А. В. Лосев, преподававший нам литературоведение, энциклопедист-умница, сознался:

— Та вирша у меня в архиве. На память снял...

Кажется, надо закругляться. Не знаю, не уверен, что этим своим опусом я смог обогатить образ амурского поэта (почти что классика!) Игоря Игнатенко. А впрочем, ведь писал я не о поэте, а о своем друге-однокашнике, у которого на днях юбилей намечается — 60 лет как на белом свете живет! С чем я его и поздравляю.

Знаешь, Игорь, несколько лет назад пришлось мне быть свидетелем такого занимательного случая. Иду по нашему Благовещенску вместе с тогдашним своим редактором Л. Ф. Сарапасом, которому в то время было примерно столько же, сколько нам сегодня. И вдруг один из встречных моему редактору этак панибратски на ходу бросает:

— Леня, привет!

Сарапас аж просиял от счастья:

— Здóрово, что еще есть люди, которые меня просто по имени, без отчества, помнят!

А Леопольд Феликсович, смею тебя заверить, мудрый человек!

Так что:

— Игорь, привет!

Александр Филоненко

Очерк опубликован в газете «Амурская правда» 30 апреля 2003 г.

ЛЕГКОЕ ПЕРО ПОЭТА

Вступление к книге И. Игнатенко «Свет памяти», 2006

По своей творческой сущности Игорь Игнатенко — лирик. Не думаю, что это определение вступает в противоречие с его поэтической универсальностью. Ранее в своей книге очерков «Эзоп» мне довелось довольно глубоко погрузиться в анализ жанрового разнообразия его поэзии, запечатлевшей в лирической строке неисчерпаемость и красоту природы, теплоту человеческих отношений, бичующей социальные пороки. Одним словом, в ней есть всё, что вмещает в себя емкое и многогранное понятие — жизнь.

Наши давние, добрые отношения позволяли мне иногда пенять Игорю на недостаточное внимание к прозе, на забвение им, известным в молодости легкоатлетом, темы спорта, — мощного эмоционального средства воздействия на формирование личности. Он нехотя, вяло соглашался, как бы между прочим упоминал, что подготовил к печати очередной поэтический сборник и мягко, но вполне убедительно дезавуировал мои претензии: «В стихах вся жизнь, а в прозе лишь фрагменты...»

Тем приятнее оказалось знакомство с рукописным вариантом сборника повестей и рассказов Игоря Игнатенко в пору, когда он готовил издание этой книги.

С одной стороны, различия творческого стиля у Игнатенко лирика и прозаика налицо. В поэзии, особенно последних лет, — стремление к лаконизму, приверженность к малой форме. Законченность сюжетных линий и образ-

ность достигаются использованием минимума выразительных средств. Для прозы же характерно свободное, пространное, обстоятельное (иногда, может быть, сверх меры) повествование о людях, встретившихся на жизненном пути, о событиях, пережитых им, его близкими и всей страной. Но по прочтении книги появляется и другое устойчивое впечатление. Описываемые события, разворачивающиеся в бесхитростно обустроенных поселках и деревеньках, периодически переносятся на природу, и тогда не остается сомнений, что Игнатенко и в ипостаси прозаика остается лириком, предоставляя нам возможность насладиться удачными определениями, сочными метафорами. Читателю, не равнодушному к природе, будут понятны и близки картинки с натуры, когда «легкий туман медленно испаряется с поверхности струистой воды, истаивая под лучами солнышка», а «звезды дрожат в космическом ознобе». Или, например, «Японское море в июле лежало ровное, как линялая простыня на столе».

Однако в кратком вступлении к этой книге я не ставлю перед собой цель подробно останавливаться на выигрышных примерах того, что именуется поэтикой прозы или, иначе, — прозой поэта.

Игорь Игнатенко уже прошагал немалый отрезок жизненного пути. Ему есть что вспомнить и не устыдиться этих воспоминаний. На события, описываемые в рассказах «За хлебом», «Рацуха», «По мокрому шоссе» он смотрит глазами взрослого человека, ненадолго вернувшегося в детство. Впрочем, не так уж и ненадолго, ибо пережитое им в ранние послевоенные годы въелось в память и запечатлелось в ней основательно.

Бесхитростные забавы пацанов того времени заканчивались не по возрасту рано. И вот уже подростки взваливают на свои неокрепшие плечи тяготы взрослых: вовсю помогают им в домашних хозяйственных делах, малыми бригадами выполняют достаточно объемные производственные нагрузки, зарабатывая столь необходимые для скудного семейного бюджета рубли и копейки. Эти воспоминания можно было бы подать как неизбежную для того времени данность, как квасной патриотизм, если бы они не были с привкусом горчинки и не запомнились болью в натруженных мышцах и ломотой в костях. Хорошо, что рядом с детьми были любящие родители и просто взрослые мужики, в большинстве своем прошагавшие по полям сражений. Они видели в детях свое воплощение, прозревали в них будущее страны, по возможности оберегали их хрупкие тела и еще не подготовленные для борьбы с жизненными передрягами души.

Простые труженики знали цену тяжкому повседневному труду и сетовали на удручающе несправедливый механизм распределения получаемого продукта. «Вкалываешь с весны до осени, как проклятый, пшеницу растишь, а за буханкой хлеба стой в очереди», — в сердцах досадует отец одного из героев рассказа «За хлебом», отправляя спозаранок малолетнего сынишку в магазин.

Ежедневно по утрам у сельпо маялась, колыхалась, переминалась с ноги на ногу «людская череда». Сельчане приходили за заветной пайкой хлеба.

Привлекает позиция автора книги, который не является сторонним наблюдателем или холодным экспертом, делающим обобщения и выносящим свой писательский вердикт. Он не просто дитя своего времени, но личность, имеющая свою, независимую от обстоятельств, точку зрения, стремящаяся дойти до самых глубин понимания существующих проблем. Отсюда в книге диалоги с бывалыми, опытными людьми. Очень сочно прописаны характеры его героев, например, водителя Алексея Марковича в рассказе «По мокрому шоссе». Страна, выжившая в страшной, безжалостной бойне, приобрела в лице победителей противоречивый человеческий продукт. В те времена не разглагольствовало о психологии победителей. Одолели лютого врага — и баста! Но не всё было так просто в послевоенной жизни, на что раскрывает глаза юноше классный шофер и удачливый рыбак Маркович. Иной бывший армеец спился, другой просто к мирному труду не пристал, стал изгоем, в итоге покалечены судьбы и семьи. Вроде бы давно одолели супостата, а для простых тружеников война не закончилась — то за урожай бьются, то сражаются с горами, отвоевывая ущелья для строительства «ГЭСов разных». У работяг и в мирное время «пупы напрягаются до треска». И костяком армии труда стали бывшие фронтовики, в которых «дисциплина въелась, как ржа в железяку». Об их мужестве, моральной чистоте и незанафталиненной нравственности писатель рассказывает без излишнего пиетета, соучаствуя и сострадавая, проникаясь уважением и создавая запоминающиеся образы.

В других рассказах ностальгия по детству и юности уступает место реальным событиям наших дней, описываемых автором без навязчивой назидательности, иногда, где это уместно, с юмором. Достоин уважения и чисто человеческого сострадания стихийный альтруист Витюня из одноименного рассказа. Слабый здоровьем молодой мужчина счастлив уж тем, что смог показать заезжему студенту красоты и достопримечательности провинциального приморского городка и его живописных окрестностей. Делал он это бескорыстно, повинувшись лишь извинительной тяге к цветущей молодости и атлетическому здоровью дальневосточника Олега, чем-то напоминающего ему уже почти легендарного жителя Киммерии Максимилиана Волошина.

Трогательна в своей детской непосредственности девочка Нина из рассказа «Философ», сумевшая разглядеть в небольшой нахохлившейся пичуге-зимородке черты погруженного в раздумья этакое пернатое мудреца.

Только настоящий знаток местной фауны может выделить из птичьего многоголосия незатейливое пение амурского соловья и сожалеть, что современную молодежь больше привлекают синхронное мелькание мертвых пятен светомузыки. Игорь Игнатенко в лирической миниатюре «Ночной певец» находит оригинальные приемы для оживления, казалось бы, статичных,

застывших пейзажей. Даже звук отдаленного постукивания дизеля самоходки воспринимается как символ трудовых будней и повседневной терпеливости реки-труженицы.

Разбередил душу «Вечерний разговор о невозвратном» — рассказ эмоциональный, немногосложный, в нем все подчинено раскрытию основной сюжетной линии, к сожалению, трагической.

Школьные друзья, достигшие вполне почтенного возраста, предаются воспоминаниям о поре юношества, которые спустя некоторое время стали отдавать горечью. Выделялся в кругу неразлучных друзей паренек Толя, безусловный лидер среди подростков. Ему не было равных при упражнениях на спортивных снарядах. Областная газета публикует его первые поэтические пробы. Но почему-то сразу настораживают портретные черты рано взрослеющего юноши: постоянный иронический прищур глаз, нервно раздувающиеся ноздри. Не напрасно настораживают. На его книжной полке в первом ряду произведения Есенина, Достоевского, Эдгара По — литераторов, извлекших из жизненной лотереи трагическую судьбу. В повседневности за мальчишеской бравадой и вызывающими поступками Анатолия угадывается впечатлительная и ранимая душа. Начинает преследовать непредотвратимая мысль: такой парень способен принять решение не только на грани возможного, но и за его пределами. Так и случилось. Он уходит из жизни в шестнадцать лет. Добровольно. Как и Есенин — двадцать восьмого декабря.

Воспоминания подаются по-мужски сдержанно, но в то же время с обнаженным сочувствием, душевным состраданием. Штриховые портреты педагогов, родителей достаточно выразительны и не нуждаются в дорисовке. Картина прощания с другом воспринимается как незаживающая рана, постоянно напоминающая о себе саднящей болью. За давностью лет описываемое событие можно было бы и подзабыть, однако оно запало в память, многократно переосмысливалось и сохранило боль и остроту восприятия. И чем больше проходит времени, тем менее определены его умозаключения. Писатель это осознает, мучается догадками и предположениями. Впрочем, на мой взгляд, трудно исключить еще одну версию происшедшего, чисто медицинскую. Но это уже вопрос сугубо специальный.

На мой взгляд, этот рассказ наиболее полно раскрывает истинный художественный потенциал автора.

«Бег по кругу» — первая «прозаическая ласточка», напомнившая читателям о глубокой причастности к спорту писателя, со знанием дела рассказавшего об этом социально значимом явлении в жизни любого общества. Надо сказать, что подавляющее большинство произведений, включенных в сборник, автобиографичны. И в этой повести в одном из героев можно узнать автора, являющегося связующим звеном между спортсменами, тренерами, спортивными функционерами.

Главная фигура в «Беге по кругу», несомненно, — тренер Пашкин (читай — известный в прошлом в России спринтер Валентин Шкап). Истинный профессионал, вдумчивый педагог, слепивший себя сам, он умел находить для своих учеников самые нужные слова, порой шутливые, иногда жестко требовательные, и был для ребят непререкаемым авторитетом.

Сюжет повести многоплановый. Но Игнатенко так подает фактический материал, что события настоящего дня, экскурсии в прошлое, различные прогнозы и неопределенность будущего воспринимаются как единое целое. Симпатичная и одаренная девочка-бегунья Люба Татьяничева благодаря своему таланту и тренерскому мастерству Пашкина попадает в поле зрения специалистов высокого уровня и переезжает жить в Москву. У нее все должно сложиться наилучшим образом, новые тренеры видят в спортсменке по меньшей мере члена сборной команды страны. Однако перманентные драматические события на ее малой родине неожиданно завершаются трагической развязкой. Все! На большом спорте поставлен крест. Но приобретенная закалка и похвальная самостоятельность в принятии важных решений помогают девушке не потеряться в этой непростой жизни.

Как-то Игорь Игнатенко ассоциировал свой поэтический стиль с «бегущим вразвалочку почерком». Не знаю, не знаю... Возможно, он характерен для периодов творческого штиля, когда вяло думается, нехотя пишется. Названная мной повесть динамична и экспрессивна, написана легким пером, спортивные баталии органически переплетаются с чисто бытовыми и служебными эпизодами, акварельно прописанной любовной линией, отчего «Бег по кругу» предстает перед читателем вполне законченным классическим произведением жанра.

«Десять раз сначала» — это откровения спортсмена о «нелегкой атлетике» — десятиборье. И не только о нем. О крепкой мужской дружбе, придающей уверенность в трудную минуту. О превратностях судьбы, в частности спортивной. Непросто отработать на ответственных соревнованиях десять, а иногда и больше, стартов за два дня, настраивая себя в каждом виде на максимальный результат. Игнатенко профессионально — и как спортсмен, и как литератор — посвящает читателя в понимание перипетий этого вида спорта. Дело не только в физической и технической подготовленности спортсмена: раскрутился в круге — метнул диск, разбежался — прыгнул. За два дня можно «нарваться» на нечистоплотность поведения иных горе-спортсменов, на их откровенную зависть и недоброжелательность. А тут еще уродливо разбухла мутная анаболическая опара, на которой некоторые «безбашенные» атлеты, стремясь достигнуть сиюминутной выгоды, обрастали грудой мышц, ошеломляя соперников значительной прибавкой результатов. Что будет со здоровьем в будущем — их не интересовало. Главное сегодня — подавить соперника, взобраться на пьедестал, а потом будь что будет. Авторская оценка этого явления одно-

значна: стихийная, непрофессиональная фармакология спорта — от лукавого.

Для действующего атлета травма — дело привычное. К сожалению, спортивному миру известны случаи, к счастью редкие, когда в дар Молоху успеха приносились известные всему миру спортсмены. Поэтому большой спорт — занятие не для слабонервных и мягкотелых. Сей постулат писатель с юмором озвучивает устами друзей, обращающихся к главному герою произведения Василию Степанову: «Что-то давненько не видели тебя на костылях. Ты что, бросил спорт?» Поэтому у обывателя всегда наготове вопрос: во имя чего молодые люди занимаются самоистязанием?

В советские времена спортсмены бились не за внушительные призовые. Яркий, отливающий серебром кубок, медаль, жетон были достаточным вознаграждением. К ним можно было присовокупить памятный подарок, весомость которого зависела от ранга соревнований. Но в спортивной среде прежде всего ценились мужество, стойкость, способность терпеть и преодолевать. Как это осуществлялось в жизни, профессионально прописано Игорем Игнатенко.

Прочтение книги «Свет памяти» вызвало гораздо больше мыслей и эмоций, чем изложено в кратком вступлении. Это не случайно. Незатейливые на первый взгляд, но по сути своей тонкие психологически, полные глубокого содержания авторские зарисовки пробуждают собственные воспоминания, оживляют информационный поток и служат стимулом для более активных действий сегодня.

*Николай Георгиевский,
заслуженный врач России*

ИЗ «КНИЖНОЙ ЛАВКИ» АЛЬМАНАХА «АМУР»*

Игнатенко И. Д. Свет памяти. Рассказы и повести. — Благовещенск: ООО Издательская компания «РИО», 2006. — 392 с.

В этой книге известный амурский поэт выступил в не совсем привычной для почитателей его таланта роли прозаика.

Проза Игнатенко — явление особое. Это — проза поэта. Как справедливо отметил автор вступительной статьи Н. Георгиевский, «по своей творческой сущности Игорь Игнатенко — лирик», лириком он остается и в ипостаси прозаика, предоставляя читателю «возможность насладиться удачными определениями и сочными метафорами». В подтверждение этих слов процитируем фрагмент из рассказа «Философ»: «Лёгкий туман медленно испарял-

*Амур. Литературный альманах БГПУ. — Благовещенск, 2008, 2009, 2010. — №№ 7, 8, 9.

ся с поверхности струистой воды, истаивая под лучами солнышка, поднимающегося над зеленеющим разнотравьем островом. В туманной плотности солнце показывало себя особым таинственным свечением, не спеша явить своё лицо».

Основная тема книги — воспоминание о прожитых годах, о том, что ещё подвластно «свету памяти». Многие произведения сборника автобиографичны. Так, в рассказах «За хлебом», «Радуха», «По мокрому шоссе» писатель вспоминает о нелёгком послевоенном детстве. В рассказе «За хлебом» речь идёт о детях, которые каждый день спозаранку, ещё по темноте, отправлялись в магазин за заветной пайкой хлеба. Послевоенные дети быстро выросли. Только по дороге в магазин они имели возможность «отвести душу» бесхитростными детскими забавами, не забывая о том, какая на них лежит ответственность: «Лёшка <...> борцовской подсечкой шибанул подоспевшего дружка по задубевшим валенкам, тот и охнуть не успел, как оказался на боку. Но долго валяться в сугробе времени не было, крутанули парочку раз друг дружку, подскочили, вытряхнули набившийся за шиворот снег — и айда веселее к магазину».

В рассказе «Философ» повествуется уже о послевоенном времени. Он о детской прозорливости, об умении увидеть то, что заметит не каждый взрослый. Шестилетняя девочка Нина, приехавшая с отцом на рыбалку, сумела разглядеть в небольшом зимородке черты погружённого в думы пернатого мудреца-философа: «Неподвижность позы, с которой она глядела со спиннинга в воду, действительно придавала птичке задумчивый вид. Словно в своей нахохленной озабоченности размышляла птаха о жизни, об этом раннем утре и ещё бог весть о чём».

Лучшим рассказом книги, своеобразной кульминацией всего сборника, является рассказ «Вечерний разговор о невозвратном». Познакомившись с ним, читатель наверняка согласится с мнением Н. Георгиевского: «Этот рассказ наиболее полно раскрывает истинный художественный потенциал автора».

Помимо рассказов, опубликованных впервые, в книгу вошла повесть «Бег по кругу», вышедшая отдельным изданием ещё в 1991 году и рассказывающая о спортивном прошлом писателя.

Тираж книги — 500 экз. Редактор — В. Г. Лецик, художник — Ю. М. Гофман.

Игнатенко И. Д. Простые ритмы: Стихи. — Благовещенск, 2008. — 112 с.

«Простые ритмы» — очередной поэтический сборник И. Игнатенко, в который вошли стихотворения, написанные в последние годы.

«Простые ритмы» — книга, которую не хочется закрывать, а закрыв, хочется открыть снова. Удивительно, как точно название сборника передает его

основную тональность: простота — душевный покой, гармония, внутренний лад — ощущается во всём и, самое главное, в жизненной философии автора. Всё происходящее воспринимается им спокойно, без надрыва. И дело здесь не в равнодушии, а в мудром отношении к жизни.

Счастье лирическому герою И. Игнатенко представляется вполне конкретно — это дом, родные люди, собравшиеся за чашкой чая и вспоминающие об ушедшем лете:

Вот засушим пестики-тычинки —

Будет нам добавка в чай зимой.

То-то славно чашки по две чинно

Выпить и распариться, как в зной.

И припомнить липу у просёлка,

Ложечкой в стакане шевеля,

Иволгу, степную перепёлку,

Неба высь, гудение шмеля.

(«Липовый цвет»)

Эта же мысль звучит в «Ямбе»: «Не зря гласят, что слава — дым, / Когда всему основа — дом». Очень жаль, что выражение, по сути, являющееся афоризмом, частично воспроизводится в стихотворении «Григорию Шумейко» («Но слава — дым, / Нет легче груза, / Чем этот добровольный плен»), теряя таким образом свою неповторимость.

Наивысшей ценностью для лирического героя является жизнь: «Придут Рождения и Смерти, / А Жизнь останется всегда. / Хотите верьте иль не верьте, / Всё остальное ерунда» («Сон приходит не торопился»). Тем не менее, возможный конец его не пугает. В стихотворении «Стареем... К другу просто так...» с характерным эпиграфом — «Я научилась просто, мудро жить...» (А. Ахматова) — говорится: «Смиряемся... Уйти в небытие, / Как в юности, уже не страшно...»

Именно поэтому стихи И. Игнатенко полны оптимизма и светлой веры в завтрашний день: «Покуда век мой длится, / Я верую, что жизнь не прекратится, / Я старомодно верую в любовь» («Символ веры»); «За чередой промелькнувших лет, / Мне кажется, Начала жизни нет. / Когда Господь пришлёт за мной гонца, / Я не поверю в истинность Конца. / Смотрю в Природы мудрое лицо, / И понимаю: жизнь всегда — Кольцо» («О дворниках и рыбалке»), «Всему мерило чёрный хлеб и труд, / А не гордыня, вправленная в золото. / Да будет мир! / Да будет детям Завтра! / И распрям всем — да будет божий суд!» («Междоусобица»).

Иногда серьёзные размышления о смысле бытия перебиваются шуточными интонациями: «Собирались отдыхать / с милой на природе, / только чаще

нас видать / с нею в огороде... / Где-то иволга поёт, / горлица воркует, / а у нас капуста прёт, / кабачки бушуют» («Собирались отдыхать...»).

Объём сборника не велик, но его тематический диапазон широк: родина («Я сын полей», «Амфибрахий», «Жаворонок», «Дактиль», «Символ веры»), любовь («У реки», «Просто так»), поэт и поэзия («Позабыв все свои опасения...», «Чуть-чуть») и другие.

«Простые ритмы» — это книга мастера, который может себе позволить «играть» со стихом, делая это красиво, легко и непринуждённо. Сборник включает в себя цикл стихотворений, размер которых отражён в заглавиях: «Ямб», «Хорей», «Анапест», «Амфибрахий», «Дактиль». В качестве эпиграфов автор выбирает строки из стихов, написанных соответствующим размером:

Под таким небом невольно художником станешь...

А. Майков

Амурские дали — картина родная.
Я ближе и краше природы не знаю.

Черёмухи белой сплошное кипенье
Мне дарит весною своё вдохновенье.
(«Амфибрахий»)

Часто используются разные виды строф: трёхстишие («Смех»), четверостишие («Чуть-чуть»), пятистишие («Просто так»).

Помимо лирики, в «Простые ритмы» вошли переводы с китайского, а также стихи к музыкальному спектаклю Амурского театра драмы по пьесе Б. Шоу «Пигмалион».

В конце книги имеются примечания, в которых оговариваются замеченные опечатки, что свидетельствует об уважении к читателю.

Книга замечательно оформлена: на лицевой стороне обложки — рисунок Н. Левченко, на оборотной — фото, на котором автор предстаёт как «сын полей», как человек, влюблённый в свою родину.

Игнатенко И. Усталый путник: Стихи. — Благовещенск, 2010. — 180 с.

В очередной поэтический сборник Игоря Игнатенко вошли как новые, ещё неизвестные читателю, так и публиковавшиеся ранее, в частности на страницах нашего альманаха, стихотворения: «URBIS», «Встреча с Тамбовкой», «Неведомое», «Голубиная верность», «Январская элегия» и другие.

Почитатели таланта амурского автора, знакомые с его творчеством, не могут не обратить внимания на несвойственную поэзии Игнатенко минорную тональность сборника, отражённую уже в названии — «Усталый путник».

В предисловии, как будто предвидя возможное читательское удивление по этому поводу, автор пишет: «Путь не смущает вас заглавие новой книжки. Почитаем стихи, воспрянем душой и телом — и снова в путь-дорожку. Каждый по своей стезе...»

«Усталый путник» — это обещание новых взлётов, новых побед, а пока лирический герой остановился и пристально всматривается в даль прожитых лет. Там, в прошлом, остались тамбовская школа, окружённая великанами-тополями, речка Гильчин, давно заросшая «густой травой», но всё так же милая сердцу («Встреча с Тамбовкой»), первый Учитель — Нехама Иоановна Вайсман, завещавшая «друг друга любить» и «служить / Средоточию мудрости — Литературе» («Голубиная верность»), друг и собрат по перу («Памяти Бориса Машука»).

Дни минувшие — это «лето», когда «сохнет песок золотистый на пляже. / Солнце в берёзах развесило пряжу. /<...>/ Светел речной окоём горизонта. / Ветер песчинки сдувает позёмкой» («Танго августа»). Сегодня — всё иначе: осень, «не скрывая влажных глаз, / Смотрит сиром» («Мгла настала»). Лирический герой видит, как «поднимает веки Вий» («Гоголевский парафраз»), и вокруг «копошится, мечется / Сонм чертей» («Апокалипсис»).

Помимо «нечисти», поэтическое пространство сборника «окупили» компьютеры и Интернет, образы, также ставшие своеобразной метой «неуютного» настоящего. В стихотворении «Когда тебе за шестьдесят» герой сожалеет о том, что «любовь сгубил всемирный Интернет».

Неприглядная картина сегодняшнего дня настолько ярко нарисована в стихотворении «URBIS», что непременно хочется процитировать уже знакомые вам, уважаемый читатель, строки:

Люди слушают пластиковые наушники
И совершенно не замечают нищих инвалидов,
Подъезды домов загорожены подержанными авто,
На лестничных клетках висит застарелый сигаретный смог.
Снег детских площадок усеян собачьими экскрементами...

В конце концов, лирический герой понимает, что в настоящем «мёртвых душ не сосчитать, / А живых не густо» («Гоголевский парафраз»). Единственным «светлым пятном», разбавляющим мрачные краски сегодняшнего дня, становятся для него родные детские души:

Но я точно знаю, что в одном из силикатных домов
ждёт золотоволосый внук Даниил,
Который встретит меня чистой улыбкой, протянет
ручонки и скажет «Деда!»
Ради этого мига стоит жить и терпеть ненавистный мне мегаполис.

(«URBIS»)

Глядя на молодую поросль, лирический герой осознаёт, что «итога нет», «жизнь — без конца» («Сказать по правде, шестьдесят...»), «вечный старт» («Эстафета»). Он обращает взгляд в будущее, слышит, как «трубит в свой рог дорога» («Дорога»), и, не страшась новых трудностей, внемлет её призывам:

И в путь! Пускай дорога нелегка,
Не отступай с неё уже ни шагу,
Себе в подспорье призови отвагу,
И во всю грудь вдыхай простора брагу,
Твоя Звезда светла и высока.

(«Не изменить картину прежних лет... »)

Прошлое, настоящее и будущее закономерно сливаются воедино в стихотворении «Колокола». Посвящённое солдатам, геройски погибшим на фронтах Великой Отечественной войны, оно завершается обращением к ныне живущим и к будущим поколениям:

Вещает память:
«Помни! Помни!»
Взыскует сердце:
«Не забудь!»
Потери прошлые восполни,
Вновь созиданья выбрав путь.
<...>
За павших всех—
Ты должен жить!

Очень хочется верить в то, что поступь лирического героя по пути, избранному им вопреки всем невзгодам («Буду жить, храня надежду, веру, / Присягнув святому ремеслу»), в новых поэтических книгах Игоря Игнатенко станет более уверенной.

Вам же, истинные ценители поэзии, советуем обязательно познакомиться со стихотворениями «Усталого путника», дабы вместе с его героем пережить ту противоречивую гамму чувств, из которой в итоге рождается вдохновение и вера в завтрашний день.

Художник — Н. Р. Левченко.

Ирина Назарова,
доцент кафедры литературы БГПУ,
кандидат филологических наук.